

КАРАГАНДИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАЗПОТРЕБСОЮЗА

Факультет экономики, управления и предпринимательства

Кафедра мировой экономики и международных отношений

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

материалы международного круглого стола

*(в рамках реализации проекта Эразмус+ Жан Моне 101085024-EUMP-ERASMUS-
JMO-2022-HEI-TCH-RSCH «The European Union Migration Policy»)*

18 октября 2023 года

Караганда, 2023

Funded by
the European Union

КАРАГАНДИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАЗПОТРЕБСОЮЗА
Факультет экономики, управления и предпринимательства
Кафедра мировой экономики и международных отношений

КАЗТҰТЫНУОДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ УНИВЕРСИТЕТІ
Экономика, басқару және кәсіпкерлік факультеті
Әлемдік экономика және халықаралық қатынастар кафедрасы

KARAGANDA UNIVERSITY OF KAZPOTREBSOYUZ
Faculty of economics, management and entrepreneurship
World Economy and International Relations Department

**«МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ В
РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН»**

материалы международного круглого стола

*(в рамках реализации проекта Эразмус+ Жан Моне 101085024-EUMP-ERASMUS-
JMO-2022-HEI-TCH-RSCH «The European Union Migration Policy»)*

18 октября 2023 года

**«ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫ: ҚАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ҚОЛДАНУ МҮМКІНДІКТЕРІ ЖӘНЕ
БЕЙІМДІЛУ МӘСЕЛЕРІ»**

халықаралық дөңгелек үстел материалдары

*(Эразмус+ Жан Моне 101085024-EUMP-ERASMUS-JMO-2022-HEI-TCH-RSCH
«Еуропалық Одақ көші-қон саясаты» жобасының бөлігі ретінде жүзеге асырылған)*

18 қазан, 2023 жыл

**«THE EUROPEAN UNION MIGRATION POLICY: POSSIBILITIES OF
APPLICATION AND PROBLEMS OF ADAPTATION IN THE REPUBLIC OF
KAZAKHSTAN»**

materials of the international roundtable

*(as a part of the implementation of the Erasmus+ Jean Monnet project 101085024-EUMP-
ERASMUS-JMO-2022-HEI-TCH-RSCH «The European Union Migration Policy»)*

October 18, 2023

Қарағанда 2023

УДК 316.3/.4
ББК 60.56
М 57

Миграционная политика Европейского Союза: возможности применения и проблемы адаптации в Республике Казахстан = Еуропалық Одақтың көші-қон саясаты: Қазақстан Республикасындағы қолдану мүмкіндіктері және бейімділу мәселелері = **The European Union migration policy: possibilities of application and problems of adaptation in the Republic of Kazakhstan.** Сборник материалов международного круглого стола (г. Караганда, 18 октября 2023 г.). Под ред. Е.С. Сыздыкбекова. – Караганда: КарУ Казпотребсоюза, 2023. – 87 с.

ISBN 978-601-235-639-7

В сборнике опубликованы статьи участников международного круглого стола, посвященные актуальным проблемам миграционной политики Европейского Союза, адаптации его положительного опыта в Республике Казахстан, а также другим вопросам государственного регулирования миграционных процессов.

Международный круглый стол проходил в рамках реализации проекта Эразмус+ Жан Моне «Миграционная политика Европейского Союза» (101085024-EUMP-ERASMUS-JMO-2022-HEI-TCH-RSCH).

Отпечатано с авторских оригиналов

УДК 316.3/.4
ББК 60.56

ISBN 978-601-235-639-7

© Коллектив авторов, 2023.
© КарУ Казпотребсоюза, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Taichikova K.T.

Migration crisis in Europe (2015-2017) 6-12

Абеуов Д.А.

Криминальная и нелегальная миграция в Казахстане как угроза национальным интересам страны 12-17

Досова Б.А.

Гендерный аспект в миграционной политике Европейского Союза: законодательная основа 17-21

Syzdykbekov Y.S.

Migration policy in Central Asian countries 22-27

Абеуова С.Т.

Экономическое обоснование теорий миграции 28-34

Baigozhina G.M.

Delimitation and demarcation of Central Asian borders: its impact on migration flow 34-40

Исатаева А.Г., Калиева Г.К.

Современная миграция между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой 40-44

Абеуова С.Т., Абдикаримова А.Т.

Влияние экспорта капитала на активизацию миграционных процессов в результате встраивания ТНК в глобальные цепочки добавленной стоимости 45-49

Юсупов У.Б.

Зияткерлік көші-қон: тарихи және замануи үрдістер 49-54

Ибраимов А.К.

Особенности экономического роста стран Юго-Восточной Азии (на примере Вьетнама, Малайзии и Таиланда) 54-60

Байманов К.Ж.

Информационные технологии в миграционной политике 60-64

Abeuova Aruzhan

Preventing and tackling irregular migration in legal migration channels 64-68

Маханькова Ангелина

Причины и предпосылки эмиграции в Казахстане 68-74

Мукашева Карина

Основные принципы и направления миграционной политики Европейского Союза 74-79

Гаджиева Наргиз

Концепция мультикультурализма как идеология миграционной политики Европейского Союза 79-84

Gorshkova Anna

Economic contribution of migrants 84-87

Taichikova K.T., c.h.s., associated professor
(International Educational Corporation)

MIGRATION CRISIS IN EUROPE (2015-2017)

Today, Europe is facing the largest migration crisis since World War II. The origins of the modern migration crisis in Europe date back to the «Arab Spring», but acquire a special scale at the beginning of 2015. Over the past few years, European countries have experienced a massive influx of immigrants, mainly from the Middle East: Syria, Afghanistan, Iraq, Pakistan, as well as from North Africa. According to the EU agency for external border security «Frontex», in 2015 about 2 million migrants arrived to Europe. During the period 2015-2016, 1.5 million refugees arrived only by sea to the territory of the Community [1]. This is the evidence of the huge scale of the migration crisis that Europe is currently facing. Despite the numerous measures taken both at the supranational level and by the governments of individual member countries, the policy of the European Union has not been effective at this stage and has not prevented the negative consequences of mass migration for European states and the population. About 80% of the number of asylum applications accounted for only a few countries - Germany, France, Italy, UK, Belgium and Sweden. Germany - a country with the highest absolute number of requests for asylum, but in terms of the local population unconditionally leads Sweden - 8 approved petitions for every 1000 local residents [2]. According to the rules of the Dublin agreement signed by all 16 EU countries in 1990, the refugees must apply for asylum in the first EU which they cross. Violation of this rule entails deportation of an illegal immigrant to the country, which was first on his way. But with an increasing number of migrants, many countries without formalities let them go through borders. In other words, Dublin agreement in practice does not work. This situation put at question the fate of the Schengen Agreement. Germany, Austria, Denmark, Sweden, Slovenia and Hungary temporarily restored control at national borders, although the Schengen Border Code of 15 March 2006, officially prohibits such actions for solving migration issues. Eurogroup Chairman - Jeroen Dijsselbloem expressed support for the reform of the Schengen agreement and the creation of a «small» zone of free movement with the control at the external borders. According to him, a «mini-Schengen» can form the countries that take most refugees: Austria, Germany, Belgium and Sweden [3].

The most problematic and painful point of the European agenda on migration has become question of introducing of mandatory quotas for the distribution of migrants among the member states of the European Union. The European Commission based on the number of populations in each of EU countries, total GDP amounts, number of already received asylum applications, the unemployment rate, determined for each European country,

the minimum number of migrants which it have to take. The problem of the migration crisis in its significance goes far beyond the debate on the distribution of quotas. It is a breeding ground for nationalist and xenophobic attitudes in the EU. From this perspective, the problem of migration has become the most popular topic of right-wing and left-wing populist parties, which significantly strengthened its position in recent years throughout Europe. It is obvious therefore that the system of quotas for the distribution of migrants - a temporary solution to a problem that cannot be an alternative to an effective EU migration strategy.

Initially, eleven EU countries - the UK, France, Finland, Latvia, Lithuania, Estonia, Czech Republic, Slovakia, Poland, Hungary and Spain - opposed the introduction of a quota system. In position of opponent's countries there are several key arguments. First, they believed that only the EU Member States governments can decide how much and what kind of migrants they are willing and able to accept, and nobody from the outside cannot impose its will. That is why they were against the European Commission's proposal to make the enforcement of the compulsory quota. Secondly, in their opinion, illegal migration is illegal, and turning it into legal by changing of status of illegals undermines the whole EU system of protection of external borders. Third, they feared the growth of tension in their countries because of the extra burden on the social system of the state support of the population and because of a possible terrorist threat from radical Islamists, penetrating to the EU in refugee ranks. Despite these arguments at emergency summit of 23 September, 2015 by a majority of votes with the four «against» (Hungary, Romania, Slovakia, Czech Republic) and one abstention (Finland) the decision on distribution of quotas was adopted [4].

With the influx of new migrants into the EU, a number of acute problems appear - the problem of the integration of refugees into European society, the acceleration of the process of «Islamization» of Europe, and the growth of number of crimes. With regard to the latter problem, it should be noted that, for example, in Germany in 2013, the number of criminals among refugees increased by 1.7%, while the percentage of offenders who are ethnic Germans was 23% that year [3]. Recently, there has also been an increase in the terrorist threat across Europe: the terrorist attacks in Paris in November 2015, the explosion at the Brussels airport in March 2016, the shooting in Nice on the national holiday day indicate that the mass influx of migrants has also reduced the level of security in Europe. Therefore, despite the fact that the European Union is pursuing an active policy towards migrants and is taking measures to integrate them into European society, at the moment this policy has not yielded tangible positive results and in many respects has proved ineffective.

One of the main reasons of the crisis of the policy towards migrants is the EU strategy aimed at providing gratuitous assistance to the victims of military conflicts. As a result of which there is no feedback from refugees for the countries of admission. Now the EU, taking migrants on its territory, is

guided only by the principles of tolerance and humane treatment of people who are fleeing from war and violence and seeks to support, sometimes to the detriment of their own population. A person who has been granted refugee status in one of the EU countries is obliged to receive gratuitous social assistance from the state, which generates social dependency among migrants and does not motivate them to look for ways to find work in the new country. In Germany, in 2010, the unemployment rate among foreigners was twice the average unemployment rate in the country. In addition, the EU has programs for teaching migrants a local language, providing them with decent living conditions and medical care. In 2017 refugees in Germany receive subsidies equivalent to unemployment benefit which is paid for German citizens. In 2016 average monthly benefit for migrant family which consist of 2 adults and 5 children was 3612 euros. And the average salary in Germany is about 2.5 thousand euros. That's why migrants for a long time do not look for any job. It should be noted that the bulk of the expenses for the maintenance of refugees is covered by the funds of European citizens: in 2015, for example, the placement of migrants arrived required about 10 billion euros, and these funds were taken from the budget of EU institutions and national budgets of member countries [2]. Financing was carried out at the expense of European taxpayers. At the same time, no return is expected from migrants, which could compensate for the costs of their maintenance. This position of the European Union is not correct. European states need to be guided by the interests, first of all, of their population and to think about the well-being of themselves. Accepting foreign refugees only from the desire to help others, the state is harming its own population, because it sacrifices its well-being for the sake of others.

Therefore, in order for migration policy to be more effective, it is necessary to demand the return or feedback from refugees seeking to enter the EU: to organize them for public works aimed, for example, on the development of infrastructure in European cities, to create special centres for employment for refugees which could quickly and efficiently distribute migrants to places where a new workforce is required. According to statistics, the majority of migrants are the young generation from 18 to 40 years (more than 50%), with the predominance of males (more than 66.6%) – it means that the bulk of refugees are able to work [5]. Employment must be made an indispensable condition for the refugee to reside on the territory of the EU, so that every migrant has the right to asylum, housing and other assistance from the state only if he has found a job and, accordingly, gives benefits to the country. European tolerance, which does not take into account the interests of its population, but aims at providing gratuitous assistance to others, will only harm the European Union and its member countries.

Another important reason for the EU's unsuccessful migration policy is the discrepancy between the scale of the problem and the resources it is expected to resolve. First of all, Europe does not have a vast territory, which would be enough to accommodate all arriving migrants. Despite the fact that

tent camps are specially built for refugees throughout Europe, this is not enough to accommodate all migrants, that's why several governments are forced to take emergency measures in this direction. For example, in Germany, which faced a massive influx of refugees in 2015, it was decided to equip municipal buildings as temporary housing for migrants, as many primary reception centres and tent camps were overcrowded. The authorities of the city of Hamm converted for refugees a large assembly hall intended for holding large city events - in this hall nearly 500 asylum seekers were able to accommodate. In another German city Aachen, in mid-July 2015, 300 refugees arrived in a short period of time, and the only opportunity to provide shelter to each of them was accommodation in one of the local high schools. In Greece, through which the main land route of migrants passed, some of the migrants were placed in the parish halls of the Greek Orthodox Church. A similar situation was observed in Italy: about 27 thousand migrants who have arrived to the country were accommodated in the Catholic parishes of Italy, monasteries and other religious institutions. The above data were evidence that the EU cannot cope with such a massive influx of migrants because of the shortage, first of all, of the territorial resources for their deployment [6].

The Union was guided by the number of migrants who wanted to receive asylum in Europe, and on this basis, counts on how to provide all those who want to get the necessary living conditions. For example, the Office of the United Nations - High Commissioner for Refugees predicted that 850,000 refugees would have arrived in Europe in 2015-2016, and the European Union was guided precisely by these statistics. In reality, only in 2015, about 2 million asylum seekers arrived in the EU and all of them were accepted and placed on the territory [7]. However, the European Union should focus not on how many migrants want to gain asylum in Europe, but on what real resources the EU has for this, it means, to approach the situation not from the position of migrants, but from the position of the EU and its capabilities. The situation with a lack of territory clearly shows the ineffectiveness of the policy of assistance to all those in need: in an attempt to provide assistance to all at once, Europe is irreversibly faced with a shortage of resources. Therefore, it is necessary to preliminarily calculate, with a migration flow of what size, the EU can cope, given the means at its disposal, and establish special restrictions on the reception of refugees, that is, to take exactly the number of migrants that the community will be able to provide without causing damage to itself. Carrying out a policy of humanitarian assistance, one must take into account own potential, not ideas and intentions, but opportunities for their realization.

In addition, another reason for the EU's unsuccessful migration policy was (and is) the low level of coordination of forces in this issue with third countries and the Union's desire to cope with the flow of migrants on its own. The only partner of the European Union in addressing the migration issue was Turkey. In March 2016, the EU and Ankara agreed on a joint action plan to combat the migration crisis, under which the Union pledged to grant Turkey

financial assistance and introduce a visa-free regime for Turkish citizens. In exchange for these measures, Turkey pledged to place part of the refugees on its territory and to prevent the penetration of illegal migrants into Europe. At the same time, despite the fact that such cooperation led to certain positive results, the significance of these results turned out to be small. The EU was forced to rely more on its own forces than on assistance from Ankara. President of Turkey R.T. Erdogan had repeatedly made statements that the country will open its borders with Europe for refugees in the event that the EU does not provide additional funding, will not accelerate the process of introducing a visa-free regime, as well as the process of Turkey's accession to the European Union. Thus, Europe puts itself in a great dependence, relying only on an alliance with Turkey on this issue, whereas in addressing this kind of problem it was necessary to coordinate actions with several states at once. On the one hand, this will be increased the productivity of the migration policy, since the total gain from interaction with several countries will be greater than from interaction with only one, and on the other hand, it will be reduced the risks of becoming dependent on the actions and decisions of each individual partner, as in the case of Turkey.

Despite the fact that through Turkey the main overland refugee routed to Europe lies, it was not the only country that could assist the EU in combating the migration crisis. For example, according to statistics, after the citizens of Syria and Iraq, large number among the refugees took Afghans and Pakistanis. To stop the flow of migrants from these countries, it would be advantageous for the European Union to negotiate with Iran, through which the shortest way by land passed from Afghanistan and Pakistan to Europe. One of the options for cooperation could be the reduction of customs barriers to Iranian goods and the conclusion of mutually beneficial trade transactions in exchange for assistance in migration policy. In particular, Afghan and Pakistani refugees, after crossing the border with Iran, would be able to undergo the procedure for obtaining asylum immediately on the territory of Iran, and only those who successfully completed this procedure would go to the EU. It would be advantageous to conclude such an arrangement with Georgia, where it was convenient to send a part of Syrian and Iraqi migrants for a similar procedure there. Georgia has maritime borders with two EU member states, Bulgaria and Romania; therefore, it was (is) convenient to transfer refugees from the country to the EU territory from this country. Such multilateral cooperation on the issue of migrants would have a beneficial effect on the overall refugee situation in Europe. Europe used an altruistic approach to migration policy, seeking to help all incoming asylum seekers. Meanwhile, it was necessary to create a mechanism for distributing some of the migrants to partner countries in order to reduce the costs for migrants from European countries. Having agreed with third countries, the EU would have been the opportunity to consider applications of a part of migrants on foreign territory and accept only those who have received refugee status. As a result, the migration flow to Europe would be decreased.

Another reason for the inefficient migration policy and the crisis of tolerance in Europe was related to the internal integration of refugees into European society. European governments are carrying out a number of active measures to assimilate migrants. In 2015, Dresden hosted a rock concert for tolerance, attended by over 22 thousand people. At the same time, to make integration of refugees successful, similar measures should be taken to develop a sense of tolerance among refugees themselves. It was (is) important that immigrants granted asylum in Europe learn to respect the culture and traditions of the country that provides them assistance. To do this, firstly there was need to settle the migrants not compact, but in small groups, so that they have been the opportunity to interact more with European citizens and assimilate faster. Migrants in Europe were settled fairly compactly (each of the tent camps in Germany accommodates 1 thousand refugees), which led to the closure of migrants within their group and complicated their integration. Secondly, the rapid integration would be contributed to the instilling of a culture of communication of migrants in European languages in public places. In addition, it was necessary to carry out activities dedicated to certain aspects of European culture, history and literature and it should be mandatory for refugees. Carrying out the above measures in many respects will impede the «Arabization» of Europe and promote more favourable integration and reduce the level of conflict between different peoples living in the same territory. The European people need to realize that if they do not take any action to preserve European values under the new conditions, this will lead to the gradual extinction of their own civilization.

After analysing the considered state of the migration crisis in Europe, (the same issues available for current crisis) the conclusion is that there are a number of reasons why the European refugee policy was not effective at this stage. An altruistic approach, a strategy of helping to all who need it in the absence of sufficient resources for this, poor coordination of forces with third countries, and the lack of activities aimed at building a sense of tolerance among the refugees themselves are the mistakes that must be corrected so that the policy of the European Union become more effective and the problem with migrants will be solved. The policy of tolerance should be conducted not at the expense of one's own interests, but taking into account these interests. When providing support to people fleeing from war, it is necessary to remember at whose expense it is being implemented, and, accordingly, to demand the feedback from migrants, which could compensate the costs to the European population. Taking refugees to their territory, the EU should take into account not how many refugees are seeking to enter Europe, but how many of them the EU is ready to accept and provide. It is also important to establish lasting cooperation on the issue with migrants and with other countries so that assistance is more effective for refugees and less destructive for Europe. Regarding the integration policy, it is necessary to carry out measures to create a sense of tolerance among the refugees

themselves in order to preserve European values in the conditions of close interaction of different cultures. Thus, in order to avoid further deepening of the migration crisis, it is necessary to apply such a strategy of assistance that will be coordinated with the national interests of European countries.

References:

1. Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 234 с.
2. Official site of RIA NEWS. // URL: <https://news.rambler.ru/europe/32064881> (available at 03.03.2017)
3. Анна Розэ. В Германии повысилось количество уголовных преступлений. // URL: <https://rg.ru/2015/05/06/prestupleniya-site-anons.html> (available at 03.03.2017)
4. Official site of European Union Council. // URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/09/23-statement-informal-meeting/> (available at 20.03.2017)
5. Александр Запольскис. Нелегальная миграция в Европе: выбор между пулеметом и Мечетью Парижской Богоматери. // URL: <http://stockinfofocus.ru/2015/04/23/nelegalnaya-migraciya-v-evrope-vyborom-mezhdu-pulemetom-i-mechetyu-parizhskoj-bogomateri/> (available at 14.03.2017)
6. Наталия Аскерова. Миграционный кризис в Европе: Как его преодолеть? // URL: <http://internationalstudies.ru/stati/evropa/item/188-migratsionnyj-krizis-v-evrope-kak-ego-preodolet.html> (available at 14.03.2017)
7. Official site of The UN Refugee Agency. // URL: <http://www.unhcr.org/europe-emergency.html> (available at 01.04.2017)

*Абеуов Д.А., PhD, полковник
полиции, начальник факультета
дополнительного образования
(Карагандинская академия МВД
Республики Казахстан имени
Б.Бейсенова)*

КРИМИНАЛЬНАЯ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ СТРАНЫ

Негативные последствия нелегальной миграции для Казахстана во многом типичны подобным последствиям, возникающим в других странах, однако характер их таков, что они выступают в качестве угроз национальной безопасности. В значительной степени это связано с той ролью, которую играет «криминальная составляющая» нелегальной миграции.

Сегодня Казахстан является одним из промежуточных звеньев транснациональных каналов незаконной миграции. Этому способствует не только географическое положение нашей республики, но и открытие в последние годы новых международных авиационных,

железнодорожных сообщений, сохранение режима свободного передвижения со странами СНГ. Немаловажным фактором является и нестабильность социально-политической обстановки в странах-экспортерах незаконных мигрантов. Это и последствия войн, вооруженных конфликтов, внутривнутриполитической борьбы в странах Азии, Ближнего и Среднего Востока.[1]

Рынок труда Казахстана стал привлекательным для граждан Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. Одни относятся к мигрантам с пониманием и считают, что они «не от хорошей жизни «мыкаются» по чужим углам». Другие же, рассматривают их как конкурентов и «захватчиков рынка труда». Однако, нельзя исключать тот факт, что неконтролируемая миграция является негативным процессом, пагубно воздействующим на экономику, этнодемографическую и криминогенную ситуацию.

Как показывает практика зарубежных стран, в том числе и Казахстана, незаконная миграция благоприятствует росту преступности, незаконному обороту психотропных и наркотических веществ. Зачастую с «нелегалами» проникают члены террористических организаций, представители нетрадиционных деструктивных течений, которые меняют религиозную обстановку на территории страны-реципиента не в лучшую сторону.

В самом общем виде криминальную миграцию можно определить как миграцию с целью совершения преступлений. Именно субъективный фактор (стремление совершить преступление, ряд преступлений или осуществлять преступную деятельность) определяют характер криминальной миграции. Разумеется, что мотивационный фон подобных перемещений может быть представлен довольно широким спектром побуждений (корыстью, мстостью, политическими соображениями и проч.), однако криминальный мигрант, безусловно, сознает, что его постоянная или временная смена жительства напрямую связана с преступной деятельностью. [2]

Теоретически и практически часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда преступники меняют свое место жительства для того, чтобы его не установили компетентные органы или скрываясь от своих поделщиков. Данное явление нельзя относить к криминальной миграции потому, что его субъективная сторона коренным образом отличается от изменения места жительства по мотивам совершения преступлений. Аналогичным образом не следует относить к криминальной миграции перемещения людей, связанные с передвижением иностранцев с целью устройства на работу в западных странах, если эти перемещения происходят по воле самих мигрантов и осуществляются самостоятельно (скажем, в процессе туристических поездок). В то же время, когда речь идет о лицах, участвующих в нелегальном перемещении иностранных граждан (связанным с

незаконным выездом из своей страны и въездом в другую), то их деятельность охватывается понятием «криминальная миграция»

Однако, организаторы незаконных каналов миграции своей активности не снижают. Пандемия внесла свои коррективы и в их преступные схемы. Нынче поддельным паспортом уже никого не удивишь. Фальсификация приглашений отдельных медицинских учреждений разных стран и заключений врачебно-консультационных комиссий поликлиник РК для въезда иностранцев в Казахстан и выезда граждан в соседние страны, водительских удостоверений для лиц, планирующих пересечь границу в качестве вторых водителей грузового транспорта, приглашений на учебу в ВУЗы – вот на что сегодня имеется большой спрос и предложение. Для проникновения и оседания в нашей необъятной стране особым спросом у иностранцев пользуются свидетельства о заключении брака с гражданками РК.

В целом в 2020-2022 гг. органами КНБ выявлено и пресечено 12 каналов незаконной миграции, организаторы которых изготавливали поддельные документы для пересечения госграницы, оказывая активное содействие органам миграционной полиции в контроле за соблюдением визового и миграционного законодательства иностранцами и лицами без гражданства, ПС КНБ в пунктах пропуска в 2020 г. выявлено 11519 нарушителей правил пребывания в стране, пресечено 44 попытки пересечения границы по чужим документам [1].

За последние 2 года на канале въезда-выезда выявлено свыше 215 случаев наличия у казахстанцев гражданства иностранного государства. Получение незаконной пенсии - далеко не самое тяжелое правонарушение, которое влечет за собой двойное гражданство. Немало случаев, когда им пользуются преступники и террористы. Оно не только подрывает чувство патриотизма, но и сеет хаос в государственной системе. Впрочем, это отдельная тема для размышления.

Есть и такие, кто пытается пересечь границу так сказать «автостопом». В июне прошлого года в ходе облета участка границы путём применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА), в Жамбылской области пограничниками были задержаны 12 граждан Исламской Республики Афганистан, следовавших в пешем порядке из Кыргызской Республики [1].

Нарушителям-преступникам видно невдомёк, что сегодня уже не стоит полагаться на человеческий фактор и «авось не заметят». С каждым годом для охраны нашей границы внедряется новая, высоко усовершенствованная техника, обмануть которую довольно таки не просто. А внедрённая в служебно-боевую деятельность пограничного контроля в 2020 году система управления рисками помогает пограничникам в пунктах пропуска молниеносно определить отдельную категорию лиц и транспортных средств, требующих особого внимания.

В ближайшей же перспективе будет применяться процедура идентификации личности по дактилоскопической информации, что

необходимо не только для обеспечения пограничного режима и противодействия терроризму, повышения уровня раскрываемости преступлений, но и для значительного сокращения время прохождения паспортного контроля в пунктах пропуска.

Вопрос о необходимости привлечения иностранной рабочей силы в казахстанские сектора экономики был и остаётся спорным. Однако всем нам хотелось бы, чтобы в нашей стране работали высококвалифицированные и, конечно же, легальные мигранты, способные передать нам передовой трудовой опыт, дабы не лишать рабочих мест наших сограждан, необходимо стимулировать въезд мигрантов в те регионы, где наблюдается выраженный дефицит рабочей силы. А для этого нужно совершенствовать миграционную политику с учетом новых задач и мировых тенденций.

Криминальная миграция включает в свое содержание те явления, которые связаны с целенаправленной преступной деятельностью. Преступник сознает, что он перемещается в пространстве, нарушая уголовно-правовые нормы или с намерением совершить это в обозримом будущем. Собственно говоря, сам характер преступной деятельности предполагает необходимость территориальных перемещений правонарушителей. Мотивация криминальных миграций расположена в достаточно широком диапазоне. Стремление овладеть новым криминологическим пространством, расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными формированиями - все это присутствует в развитии рассматриваемого феномена.

Потоки криминальных миграций имеют различную направленность. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что с ростом напряженности криминологической обстановки эти потоки утрачивают стихийность, становятся более управляемыми и организуемыми со стороны криминалитета. Здесь просматриваются разновекторные тенденции, связанные, с одной стороны, с конкурентной борьбой мафиозных образований, а с другой - с монополизацией криминального бизнеса. Отсюда закономерно стремление лидеров организованной преступности контролировать ситуацию, складывающуюся из перемещений криминальных мигрантов.

Криминальные миграции имеют объективное содержание и субъективное значение. С объективной точки зрения, следует отметить процессы территориального перемещения правонарушителей как внутри страны, так и между государствами. Криминологически чрезвычайно важно отслеживать тенденции такого перемещения с тем, чтобы контролировать развитие преступности. С субъективной точки зрения, существенное значение имеет информация о движущих мотивах, определяющих потоки криминальных миграций. Знание таких

мотивов обладает значительным прогностическим потенциалом, позволяет разрабатывать меры упреждающего характера.

Криминальные миграции можно рассматривать в контексте различных явлений: социально-экономических, политических, национально-этнических, демографических. Такие подходы ориентированы на выделение сущностных сторон процессов перемещения правонарушителей, позволяют понять их истоки и глубже познать их содержание. Так, с точки зрения социально-экономической, криминальные миграции есть неотъемлемая часть достаточно мощной социальной инфраструктуры криминального бизнеса. Это, во-первых. Во-вторых, легальный бизнес также во многом криминализован, так что перемещения правонарушителей сказываются на состоянии всей системы экономических отношений в той или иной стране. В-третьих, особенности экономического развития вызывают потоки мигрантов, ориентированных на совершение преступлений.

Криминальной миграции присуща массовость. Если гастролирующий преступник-одиночка - лишь намек на криминальную миграцию то передвижения преступников, «работающих» по найму, уже в достаточно полном объеме представляют анализируемое явление. Криминальной миграции свойственна целенаправленность, а значит, меньшая стихийность сравнительно с «обычными» миграциями. Если последние чаще всего отражают объективные различия в уровне и качествах жизни, в размещении производства и рабочих мест и т.д. (за исключением кампанийских миграций типа освоения целинных и залежных земель), то первые в большей степени связаны с субъективным фактором. Отсюда - более заметная гибкость криминальных миграций

Связь криминальной миграции с преступностью дает основание назвать как присущие ей признаки латентность и относительную конспиративность. Латентность «ближе» к объективной характеристике криминальной миграции, она выражается в скрытости, невыявляемости самих территориальных перемещений с целью совершения преступлений, а также их причин. Что же касается конспиративности, то здесь многое зависит от преступной квалификации правонарушителей и способности правоохранительных органов им противостоять.

Криминальная миграция может сопутствовать «естественным» миграциям. В таком случае важно отследить, когда правонарушители начали использовать потоки мигрантов для прикрытия собственных криминальных целей и насколько распространено такое явление.

Интересен вопрос о том, можно ли отнести к криминальным миграциям экспорт (импорт) криминальных технологий. Думается, что на данный вопрос следует ответить утвердительно. Поскольку криминальные технологии (например, способы банковского мошенничества) экспортируются или импортируются специально с целью совершения преступлений, то такие действия в принципе

поглощаются понятием криминальной миграции, конечно, с уточнением, что подобное перемещение имеет информационный (технологический) характер. Важно не только проследить физическое перемещение правонарушителей в пространстве с целью совершения преступлений, но и установить тенденции «движения» криминальных технологий. Во всяком случае, это будет способствовать совершенствованию борьбы с преступностью.

Литература:

1. Доклад КНБ РК по незаконной миграции в стране // <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/press/news/details/190402?lang=ru>
2. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в РК. Журнал Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК имени Б.Бейсенова. 2022 г. Вып 1. Стр. 114-118

*Досова Б.А., к.и.н, ассоциированный профессор
(Карагандинский университет имени Е.А. Букетова)*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА

В основу миграционной политики Европейского Союза легли статьи Всеобщей декларации прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Декларация «формулирует право каждого человека обладать своими правами и свободами «без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст.2). Статья 3 утверждает, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Статья 7 предусматривает: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона». Также ЕС учитывает ряд международных актов и документов, направленные на соблюдение гендерного равноправия: «Международный пакт о гражданских и политических правах». Генеральная Ассамблея (ГА) ООН от 16 декабря 1966 г., «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин». ГА ООН (A/RES/48/104) от 20 декабря 1993 г., «Пекинская декларация и платформа действий», Четвертая всемирная конференция по положению женщин, A/CONF.177/20 (1995) и A/CONF.177/20/Add.1 (1995) от 15 сентября 1995 г., «Резолюция Совета Безопасности ООН

№1325 о женщинах, мире и безопасности» (S/RES/1325) от 31 октября 2000 г. и др. [1].

ООН учитывает тот факт, что женщины в большей степени могут пострадать в процессе миграции. Поэтому цель Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Генеральной ассамблеи ООН (КЛДЖ) (A/34/46) от 18 декабря 1979 г. звучит следующим образом: покончить с дискриминацией женщин, которая определяется как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области» (ст.1)[1].

В Европе гендерная политика также основана на основополагающих правах человека. Еще в 1950 году была принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, в статья 14 которой написано о том, что «пользование правами и свободами ... должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам» Резолюция Европейского парламента об участии женщин в мирном разрешении конфликтов, принятая в 2000 году «призывает Комиссию и государств-участников учитывать гендерную специфику в инициативах, связанных с обеспечением мира и безопасности», включая обеспечение гендерного обучения военнослужащих «с тем, чтобы уважение к женщинам стало чем-то само собой разумеющимся, а в армии преобладала благоприятная для женщин атмосфера» (п. 8). План действий ОБСЕ 2004 года по поддержке гендерного равенства гласит: «равноправие женщин и мужчин и защита прав человека являются важнейшим условием обеспечения мира, устойчивой демократии, экономического развития, а следовательно – безопасности и стабильности в регионе ОБСЕ» (преамбула). [1, с.4-5]

Женщин-мигрантов меньше по численности, чем мужчин и их мотивы часто различаются. Связанные с гендером факторы, подталкивающие людей к миграции, указаны в таблице 1.

Таблица 1. Связанные с гендером факторы, подталкивающие людей к миграции [2, с.18].

Фактор	Женщины	Мужчины
Гендерное неравенство	Отсутствие уважения к правам женщин, исключение из общественной жизни и	Социальные ожидания относительно содержания семьи, давление в отношении

	процесса принятия решений, сохранение структурного неравенства	соответствия нормам мужского доминирования, контроля и власти
Война и политическая нестабильность	Направленное на женщин сексуальное насилие со стороны сил противника и внутри собственной общины Потеря дома, семьи и членов семьи мужского пола	Направленное на мужчин сексуальное насилие со стороны сил противника Угроза принудительной вербовки в вооруженные силы/ вооруженные группы/ повстанческие силы Утрата земли и средств к существованию и уничтожение имущества
Крайняя бедность/ социальное неблагополучие	Ответственность за воспитание детей: отсутствие доступа к основным услугам, плохое здоровье, недостаток образования и статус иждивенца	Ответственность за обеспечение своей семьи, в результате – поиск неквалифицированной/ полуквалифицированной работы в разных местах
Распад семьи	Уход мужа, развод и вдовство делают женщин уязвимыми перед лицом растущей бедности и эксплуатации	Утрата контактов с семьей в результате принудительного участия в боевых действиях, тюремного заключения или эмиграции
Социальное неравенство	Иерархические социальные нормы, определяющие жизненный выбор и ограничивающие возможности получения образования и трудоустройства Нетерпимость, преследование и тюремное заключение за несоответствие традиционным нормам в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности	Иерархические социальные нормы, определяющие жизненный выбор и ограничивающие возможности получения образования и трудоустройства Нетерпимость, преследование и тюремное заключение за несоответствие традиционным нормам в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности
Брак	Цель – избежать принудительных или мошеннических договоренностей, защитить дочерей от торговли людьми или облегчить финансовое бремя семьи	Цель – соответствовать культурным нормам в отношении мужских ролей, ответственности и маскулинности или избежать их соблюдения
Вымогательство: наркотики и насилие	Угроза сексуального насилия, страх перед преступниками, заставляющими детей заниматься проституцией и	Принудительный труд, угрозы семье и рэкет, подавляющий коммерческую деятельность/ трудовую занятость

	вступать в банды	
Экологические факторы	Утрата средств к существованию и источников пищи, плохое здоровье семьи, истощение природных ресурсов, бремя домашних обязанностей и сокращение возможностей для трудоустройства	Утрата средств к существованию и источников пищи, потеря домашнего скота, повреждение инфраструктуры, бремя домашних обязанностей, сокращение возможностей для трудоустройства

Как видно из таблицы, мотивы миграции у женщин и мужчин в некоторых моментах совпадают, например, связанные с социальным неравенством и экологическим фактором. Другие мотивы разнятся в соответствии с традиционными ролями мужчин и женщин в обществе. Но есть один аспект, указывающий на изменение мотивов миграции среди женщин в последние годы. Речь идет о том, что все меньше женщин покидают свою страну для вступления в брак или воссоединения семьи. Расширение их самосознания в сторону обретения смысла своего предназначения, постепенно меняют их миграционные цели. На современном этапе все больше женщин становятся мигрантами для целей получения образования или трудоустройства, так как качественное образование и престижная работа в обязательном порядке приведет женщин к большей экономической и социальной автономии. Личная и финансовая самостоятельность позволит женщинам бросить вызов традиционным или ограничительным гендерным ролям.

Большие миграционные потоки в страны Европейского Союза создают ряд важных проблем для властей и населения Европы. Особенно, если это многочисленные миграционные потоки из зон боевых действий или трудовые мигранты из стран третьего мира, прибывшие в Европу за лучшей жизнью. Принимающей стороне необходимо решать не только бытовую сторону миграционной политики, но и учитывать ментальность прибывающих, а также гендерные аспекты. ОБСЕ считает, что «учет гендерной проблематики – это процесс оценки последствий каких-либо действий для женщин и мужчин, включая законодательство, стратегии и программы, во всех сферах и на всех уровнях. (...) Его конечная цель заключается в достижении гендерного равенства» [3, с.2]. Самой уязвимой частью среди мигрантов выступают женщины и дети. Поэтому задача миграционных служб состоит, в первую очередь в том, чтобы позаботиться о женщинах и детях. Есть еще один аспект проблемы, связанный с мигрантами, в особенности с мигрантами-женщинами из не западных стран, в которых свое понимание либеральных западных ценностей и роли женщины в обществе. Либеральные ценности, положенные в основу демократических обществ, обеспечивают равные фундаментальные права и социальные лифты для всех граждан, вне зависимости от пола,

национальности, расы и т.д. В целом, эти ценности соотносятся с основными принципами миграционной политики Европейского Союза. Но есть определенные трудности, когда обнаруживается тот факт, что мигранты, основная масса которых прибыли из менее демократических или вообще не демократических стран, отказываются соблюдать либеральные ценности. Причины разные, но самая первостепенная это различие в восприятии либеральных ценностей. «Поэтому незападный феминизм выдвинул идею необходимости работать вместе с женщинами мирового Юга, а не изучать их как объекты, создавать атмосферу взаимного обучения, а не снисходительного поучения» [4, с.106].

Европейский Союз солидарен с позицией ООН в плане неразрывной связи миграции и гендерного равенства. В частности, Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН направлены на учет интересов всех полов при реализации миграционной политики мировых стран, так как их не учет препятствует глобальным усилиям по достижению гендерного равенства и ограничивает возможности максимально эффективного использования преимуществ миграции в интересах развития, в том числе осуществления ЦУР. Учет гендерных аспектов также является одним из руководящих принципов Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» [5, с.9].

В целом, законодательная основа Европейского Союза в области миграции основана на международных нормах соблюдения прав человека и учитывает гендерный аспект при проведении миграционной политики.

Литература:

1. Международные и региональные законодательные акты и документы, имеющие отношение к теме «Гендер и реформирование сектора безопасности». URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/f/75307.pdf>
 2. ДКВС, БДИПЧ ОБСЕ и структура «ООН-женщины», Управление границами и гендер (серия пособий «Гендер и безопасность»), Женева, ДКВС, БДИПЧ ОБСЕ и «ООН-женщины», 2021. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/1/516507.pdf>
 3. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Гендерное равенство. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/3/372131_0.pdf
 4. Тлостанова М.В. Неевропейская гендерная философия в контексте межкультурного диалога. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neeuropeyskaya-gendernaya-filosofiya-v-kontekste-mezhkulturnogo-dialoga-1>
- Хеннебри, Дж., Х. Кей Си и К. Уильямс, 2021. Гендер и данные о миграции: Руководство по управлению миграцией на основе фактических данных и с учетом гендерных аспектов. Международная организация по миграции (МОМ). Женева. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Gender-and-Migration-Data-RU.pdf>

Syzdykbekov Y.S., master, senior lecturer
of World economy and international
relation department
(Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)

MIGRATION POLICY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Since gaining independence the countries of Central Asia have faced the problem of the need for a migration policy to ensure national security. The mass outflow of migrants from the territory of the countries was caused not only by the economic crisis, but also by the lack of control over the border areas, the increased level of crime and the threat of extremism.

Each country solved issues of territorial integrity in its own way: from more diplomatic and smooth approaches, like Kazakhstan and Kyrgyzstan, to more stringent frameworks and regulations that were introduced on the territory of Uzbekistan and Tajikistan. Many countries still do not have a coherent migration policy and manage migration flows sporadically, that is, without a special system. However, all countries have a number of laws, treaties and bilateral agreements that deal with migration. And if in the case of Turkmenistan there are more restrictions for free exit from the country, then in recent years Uzbekistan has issued several decrees that make it easier for labormigrants to leave the country.

A consistent migration policy today is the most important tool for ensuring national security. The outflow of workers, students and just emigrants is one of the sources of economic decline, market crisis, lack of jobs and qualified specialists, which can provoke a search for labor in other countries. The influx of unwanted immigrants also has its negative consequences, most of which are associated with the development of shadow business, drug trafficking, and human trafficking. In recent years, the issue of terrorism has become acute in the region.

The impact of migration on the national security of Central Asia in particular is very large and carries with it quite specific threats to the security of the economy, borders, social and labor spheres. The hypothesis of the research is the assumption that the countries of the region are still at the stage of developing a unified migration policy and do not have the proper level of control over this area.

17425 people arrived in Kazakhstan, and 24147 people left in 2022. The migration balance is negative and amounted to 6722 people, however, compared to 2021, the number of arrivals increased by 57.8%, and the number of departures decreased by 25.1%. As in the case of Kyrgyzstan, the main exchange of citizens took place between the countries of the Commonwealth of Independent States [1].

Despite the increased balance of migration in Kazakhstan, which, over two years of quarantine restrictions and a year of the ongoing military conflict of our neighbors, brought more residents than it took away, a trend towards

negative external migration has formed in our country. Kazakhstan suffers from such a phenomenon as “brain drain”, and to solve this problem, the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan has developed the Concept of Migration Policy for 2022-2026 [2].

Conventionally, emigrants from Kazakhstan can be divided into two groups: students receiving education abroad and labor emigrants. They currently have more opportunities and motivation to stay outside of Kazakhstan. Approximately 89000 Kazakhstanis are currently studying abroad, 71300 thousand in the Russian Federation [3]. The initial incentive for student emigration is the quality and prestige of education in their countries of destination. Thus, students have the opportunity to conclude a contract in the country of study while still studying and stay there for an indefinite period. To solve this problem, President K. Tokayev decided to open branches of foreign universities in Kazakhstan; for 2022, there were seven projects in development. Although part of the population of Kazakhstan met this initiative negatively, fearing “foreign influence” on their children.

The second priority of the new migration policy is the protection of the rights of labor migrants. To this end, it is planned to open a Migration Committee, which will specialize in just these issues. Kazakhstan also plans to conclude a number of bilateral agreements on ensuring the rights of labor migrants.

According to official data on migration flow of Republic of Kyrgyzstan we can see positive trends: if in 2018 the country “lost” 5390 people during internal and external migration, in 2019 the number reached 6160 people, and then in 2021 the country lost only 769 people. In 2022, in the course of comparing internal and external migration, the Republic of Kyrgyzstan acquired 5917 citizens [4]. Although these trends can be associated with quarantine restrictions in force two years ago, and the influx of migrants with the war that broke out in 2022, this still plays into the hands of the country.

According to the Ministry of Digital Development of the Kyrgyz Republic 8200 thousand people arrived in the country for permanent residence in 2021, against 1000 people in 2020, and 9000 people left, against 5800 people in 2020. As a result, if in 2020 the migration outflow of the population was 4800 people, then in 2021 it amounted to 800 people, having decreased by 4000 people. In addition, in 2021, there was an increase in the number of those who left the Kyrgyz Republic for the territory of other states in order to change their place of permanent residence. As before, the dominant states in terms of choosing a place of permanent residence for migrants are Russia – 67.4% and Kazakhstan 26.6% [5].

Since gaining independence, Kyrgyzstan set itself the task of regulating external migration. Thus, in April 2004, the “Concept of the Migration Policy of the Kyrgyz Republic until 2010” was created, which was initially aimed at external migration, but with future revisions added items on internal migration [6]. However, this concept has not been fully implemented. According to the concept, a legal framework was created on cooperation in the field of

migration policy between Kyrgyzstan, Kazakhstan and Russia to alleviate the situation of migrants within friendly countries. The government of the Kyrgyz Republic tried to diversify and make the flow of migrants more predictable and manageable, but it was not effective. An indicator was the fact that flow of 3031 labor migrants went to South Korea in the period from 2008 to 2018 [7].

Work was also directed towards the adoption of the UN conventions in the field of migration, however, due to the fact that many countries that signed these documents are not the main recipients of migrants from Kyrgyzstan, this did not lead to significant improvements in legal protection.

Later, a new concept was adopted, designed for 2021-2030 [8]. The new labor migration policy includes measures for training, employment and information about the functioning of labor migration. These measures should prevent human trafficking and provide citizens with information that will help them find decent jobs outside of Kyrgyzstan. It was also announced the expansion of interstate cooperation in order to monitor the citizens of Kyrgyzstan, protect their rights and interests.

The policy of return at the end of labor relations between the employer country and labor migrants is also taken into account. This policy assumes that the state will assist in finding a job at home, so that the knowledge gained abroad can be applied in Kyrgyzstan.

In the field of foreign policy, the old concept mainly focused on protecting the rights of migrants in their host countries, while the 2021-2023 Concept defines the state's strategy aimed at targeted training of the workforce for work abroad. The authors of the Concept clearly state that mass migration will persist in the medium term, and employment abroad is considered as part of the national development strategy, allowing to take advantage of global employment and attract remittances. Innovations in the Concept until 2021-2023 include the development of measures to facilitate the entry and stay of foreign investors and highly qualified specialists.

The section on international cooperation in the new concept reflects the changes in the context after the accession of Kyrgyzstan to the Eurasian Economic Union. It provides for the development of bilateral and multilateral measures to improve the conditions for the stay of migrants in the EAEU countries, the conclusion of readmission agreements and the fight against illegal migration. The new concept also includes a section on supporting compatriots, which includes measures to preserve the cultural and historical ties of compatriots with their homeland, develop diasporas in other countries and use their potential as tourists and investors.

External migration in Uzbekistan is regulated by legislative acts and the Constitution of the Republic of Uzbekistan. Decree-Law on the Agency for External Labor Migration of 2003, Law on Combating Human Trafficking of 2008, Law on Citizenship of 1992, Decree-Law on the Entry, Departure, Stay and Transit of Citizens of other States and Stateless Persons in Republic of Uzbekistan 1996.

Uzbekistan has not ratified either the 1951 Geneva Convention relating

to the Status of Refugees or the related 1967 New York Protocol. Consequently, there are no legal and administrative regulations governing the status of refugees in the country. However, UNHCR offers its full support to the government of Uzbekistan in ratifying these two international instruments and developing an appropriate legal framework for the country.

More than 70% of migrant workers sent from Uzbekistan go to the Russian Federation and Kazakhstan. These are the two most popular destinations, but also a big problem for Uzbekistan. According to the World Bank estimates, 81% of male labor migrants and 67% of female labor migrants from Uzbekistan went to Russia, 12% and 10% - respectively to Kazakhstan, and 3% and 18% - to Turkey. This is unlikely to change in the near future [9].

Such an active outflow of workers from the country also increases their chances of becoming victims of human trafficking. The Trafficking in Persons Report 2020 states that Uzbekistan is minimally compliant with anti-trafficking requirements. In 2019, 95 victims of the slave trade were identified, 89 people became victims of sexual exploitation. To combat human trafficking, the state is taking steps to stop the recruitment of students, government employees such as teachers and medical personnel for the annual cotton harvest. Uzbekistan also provides third-party and international observers with the opportunity to monitor the situation in the country. According to the Ministry of Internal Affairs of Uzbekistan, in 2018, 147 women, 103 men and 41 children became victims of human trafficking [9].

According to data provided in August 2020 by the government of Uzbekistan to UNHCR, in 2019 alone, 6318 stateless persons obtained Uzbek citizenship, the highest annual naturalization rate in Central Asia. According to the UNHCR, the new law on citizenship, which came into force in Uzbekistan from April 1, 2020, will not only introduce simplified naturalization procedures, but will also affect all stateless persons who received a permanent residence permit before January 1, 1995. Grant citizenship status approximately 49228 people, which is about half of the stateless population of Uzbekistan [9]. The same procedures will apply to the children of the beneficiaries of this new rule.

The most recent policy document regulating migration in Tajikistan is the National Strategy on International Labor Migration of the Citizens of The Republic of Tajikistan for the years 2011-2015 which has not been renewed since. Currently, migration issues in Tajikistan are regulated through other policy documents, such as the National Strategy for Combating Terrorism and Extremism, and the National Employment Support Program of Tajikistan.

These documents do not give much attention to the role of local authorities in migration management, and the implementation of migration policy lies largely on the shoulders of the Ministry of Labour, Migration and Employment. The ministry has set up migration services in several locations throughout the country, as well as a network of pre-departure centers for counseling and training. However, the existing network of centers does not

meet the demand, lacks funding and is unable to provide extensive training to potential migrants before they leave. The network also does not take full advantage of the local governance structure, and in general the involvement of local authorities in migration management remains low.

Tajikistan has signed a number of agreements with neighboring countries in the field of migration control. In 2004, an Agreement on labor migration was signed between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan [10]. First of all, this agreement was aimed at protecting the rights of labor migrants and ensuring the legality of their stay on the territory of the recipient country. Thanks to this, the legal status of migrants, their rights and obligations were determined. The agreement also establishes the procedures that must be completed in order for a migrant to legally stay on the territory of the Russian Federation.

Access to migration statistics collected by both parties is also included in the terms of the document. Thus, it should prevent or detect the exploitation of workers, illegal migration, and also assist in the forecasting of migration flows.

There are also a number of requirements for labor migrants if they want to legally cross the border. First of all, a citizen is obliged to conclude an employment contract with an employer from Russia. Further, the employer submits an application to the migration authorities of the Russian Federation for permission to hire a foreign citizen. Together with the application, the employer provides a copy of the employment contract, the migrant's passport data, a medical certificate and other documents - the requirements vary depending on the region. In the future, the migration authorities of the Russian Federation consider the application and, depending on the results, confirm or reject the work permit.

In 2019, Tajikistan and Kazakhstan also signed an agreement on labor migration [11]. The goals are still the same: to stop illegal migration, to ensure cooperation between the migration services of the two countries. On top of that, the Agreement on the ratification of this treaty led to an increase in the visa-free regime for citizens of Tajikistan in Kazakhstan from 30 days to 90. In 2018 a similar agreement was established with Uzbekistan. In 2019 an Agreement on cooperation in the field of migration was signed with Kyrgyzstan.

In turn, Turkmenistan takes rather tough measures in relation to emigrants, in particular, their attempts to stop the emigration of students caused a resonance among the Turkmen youth. Recently, the system of money transfers for students of this country has become more complicated: when sending transfers, banks began to require the provision of original birth certificates of students and their passports. Such a system was provided so that students would not take with them the original documents confirming their identity, and, accordingly, could not obtain citizenship abroad [12]. In 2022, the system under which citizens of Turkmenistan could have dual citizenship was also abolished, which complicated the mobility of Turkmen citizens. Thus,

the fact is confirmed that the main priority in ensuring migration policy in this country is to stop the migration flow from the country in any possible way.

In general, the region's outward migration policy does not always converge, although many countries face the same problems. Central Asia as a region has not yet fully established cooperation, although there are bilateral acts to assist in curbing the negative consequences of emigration. Different political structures and development priorities do not yet allow us to maintain a unified regional policy that would comprehensively solve the problems of national security.

References:

1. Valikhanova B.M. Ethnographic groups of Fergana Valley. – ISJ Theoretical & Applied Science. Vol. 5. – 2020.
2. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2022- 2026 гг. – 2022. // <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=13920313>
3. Chernyshevskaya I. What Is the New Migration Policy of Kazakhstan Going to Be? – Cabar Asia. – 2022. // <https://cabar.asia/en/what-is-the-new-migration-policy-of-kazakhstan-going-to-be>
4. Migration gain, outflow by external migration. – 2022. // <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/41/>
5. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. – 2021. // <http://stat.kg/en/news/migracionnyye-processy-v-2021-godu-harakterizovalis-znachitelnym-snizheniem-ottoka-naseleniya/>
6. Концепция государственной миграционной политики Кыргызской Республики до 2010 года. – ИС Континент. – 2004. // https://continent-online.com/Document/?doc_id=30293526#pos=0;0
7. За десять лет более трех тысяч кыргызстанцев выехали на работу в Корею.– 24 Kyrgyzstan. 2019. // 24.kg/ekonomika/110214_zadesyat_let_bolee_treh_tyisyach_kyrgyzstantsev_vyiehalo_narabotu_vkoreyu
8. Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021-2030 годы // <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/3752>
9. Integral Human Development. Uzbekistan. – 2020. // <https://countryeconomy.com/hdi/uzbekistan>
10. О трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации. – 2004. // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7410
11. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области миграции. – 2019. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000220>
12. Власти Туркменистана препятствуют студентам получать иностранное гражданство. – Turkmen news. – 2023. // <https://turkmen.news/vlasti-turkmenistana-prepyatstvuyut-studentam-poluchat-inostrannoe-grazhdanstvo/>

**Абеуова С.Т., к.э.н., доцент кафедры
мировой экономики и международных
отношений
(Карагандинский университет
Казпотребсоюза)**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИЙ МИГРАЦИИ

Миграция населения – это многомерное явление, причины и последствия которого должны рассматриваться на макро- и микроуровнях и только в контексте других социальных, экономических, демографических, политических процессов. Решение о миграции всегда (если только речь не идет о насильственных переселениях) принимается на микроуровне – на уровне индивида, семьи, домохозяйства. Однако на принятие этого решения оказывают воздействие многочисленные обстоятельства, в рамках которых действуют индивиды, семьи и домохозяйства.

Теоретическое осмысление этой сложной системы взаимосвязей возможно только на основе системного подхода. Поэтому системный, комплексный подход является основным методологическим принципом изучения миграции.

В течение длительного времени в качестве центрального объекта миграционных концепций рассматривались причины миграции населения и трансформации ее видов и форм. В этом направлении успехи миграционной теории несомненны: предложены многочисленные теории макро- и микроуровня, объясняющие миграцию населения в целом и международную миграцию в частности на основании различных парадигм.

Одной из первых попыток концептуализировать миграционные процессы предпринял английский и немецкий географ Э.Г. Равенштейн в своем труде «Законы миграции».

Известный английский статистик и демограф У. Фарр в конце XIX века высказал гипотезу, что миграции развиваются без каких-либо определенных закономерностей, подобно хаотичному броуновскому движению. Данное утверждение оспорил его современник Э.Г. Равенштейн, который считал, что общие закономерности развития миграционных процессов выявить можно. В качестве ответа У. Фарру он сформулировал законы миграции, которые были опубликованы в 1885 году. Первоначально законов было семь, впоследствии, при изучении миграционных данных по США и другим странам их количество было дополнено до одиннадцати. В Законах миграции делается попытка объяснения и прогнозирования миграции как внутренней, так и международной. Многие из этих законов справедливы до настоящего времени, они продолжают служить в качестве отправной точки для

большинства моделей миграции даже более века спустя, что свидетельствует об их объективности [1].

На основе изучения большого объема эмпирического материала, Э.Г. Равенштейн выделил следующие Законы миграции [1]:

1. Между территориями идет перераспределение населения.
2. Территории различаются главным образом по экономическим характеристикам.
3. Большинство мигрантов переезжает на короткие расстояния.
4. Миграция происходит ступенчато.
5. Каждому миграционному потоку соответствует обратный поток.
6. Мигранты на длинные расстояния мигрируют в крупные центры промышленности и торговли.
7. Жители городов менее подвижны, чем жители сельской местности.
8. Женщины подвижнее мужчин в перемещениях внутри страны, мужчины подвижнее женщин в перемещениях на длинные расстояния.
9. Большие города растут главным образом из-за миграции.
10. Объем миграции увеличивается с развитием промышленности, торговли и транспорта.
11. Главные причины миграции – экономические.

Законы миграции оказали огромное влияние на последующие работы в области моделирования и концептуализации миграционных процессов. Основываясь на обширном эмпирическом материале, Э.Г. Равенштейну удалось четко и достаточно объективно выделить базовые характеристики миграционных процессов. Однако, его законы носят довольно описательный характер и в них отсутствует объяснение причин миграции и факторов, способствующих воспроизводству этого явления.

Неоклассическая теория миграции (М. Фридман, П. Самуэльсон и др., 1960-1970-е годы) исходит из наличия свободной конкуренции и совершенного рынка факторов производства. Изначально теория разрабатывалась для объяснения трудовой миграции в процессе экономического развития. Данная теория характеризует миграционные процессы как на макро-, так и микроуровне [2].

Миграция является результатом географических различий в спросе и предложении труда. Сигналом к миграции являются различия в уровнях зарплаты (дохода) между территориями выезда и въезда. Стоит отметить, что уровень зарплаты должен быть достаточным, чтобы покрыть издержки перемещения. Согласно неоклассической теории, изучение миграции аналогично решению задачи эффективного размещения ресурсов, из-за чего данный подход нашел свое практическое применение во многих странах мира. Так, в СССР совершались попытки преодоления несоответствий между потребностями народного хозяйства на определенных территориях и наличием на ней рабочей силы, возникающей вследствие

неравномерного экономического развития. Направление потоков определяется экономическими характеристиками территорий: если они привлекательные, то на территорию происходит иммиграция, если негативные - то эмиграция. Направление миграционных потоков (из регионов с низкой зарплатой в регионы с высокой зарплатой) и потоки капитала являются противонаправленными [3].

К недостаткам данной модели следует отнести то, что рынок труда не может быть совершенным и для балансировки спроса требуется время, тогда как при совершенном рынке не было бы безработицы. По крайней мере, на коротком временном промежутке миграция не уравнивает спрос и предложение на рабочую силу.

Положения данной теории на макроуровне содержат ряд концептуальных предположений:

1. Международная трудовая миграция обусловлена различиями в заработной плате между странами.

2. После устранения различий в заработной плате в мировом масштабе перемещения рабочей силы прекратятся.

3. Потоки человеческого капитала, в случаях высококвалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы, могут происходить разнонаправленно в силу различных движущих сил, воздействующих на эти процессы.

4. Рынок труда является основным механизмом, посредством которого возникают международные потоки рабочей силы. Другие виды рынков оказывают намного меньшее влияние.

5. Правительства стран могут управлять миграционными потоками, главным образом, путем влияния на рынок труда отдающих или принимающих стран.

Согласно микроэкономической модели индивидуального выбора (М. Тодаро) отдельные рациональные индивиды принимают решение совершить миграцию на основании анализа издержек и прибыли, связанных переездом. Одним из ключевых компонентов является оценка ожидаемой выгоды от разрыва в заработках. Международная миграция понимается как форма инвестиций в человеческий капитал. Люди выбирают территорию перемещения таким образом, чтобы в месте вселения они могли быть наиболее продуктивными, с учетом их квалификации. Действительно, в странах с низкими доходами разрыв в оплате труда между неквалифицированными и квалифицированными работниками может составлять порядка 20%, тогда как в странах с высокими доходами этот разрыв может быть в 10-30 раз [4].

Однако, для переезда они должны понести определенные затраты, связанные с расходами на транспорт, поиском работы, усилиями по изучению нового языка и культуры, психологическими издержками разрыва старых связей и налаживания новых и прочими трудностями, возникающими в процессе адаптации к новому месту жительства. Ожидаемая выгода от переселения будет тем больше, чем выше

уровень образования мигрантов. Это вызывает то, что мигранты, как правило, имеют более высокий уровень образования, чем население страны исхода в целом.

Значительный интерес представляют работы И. Валлерстайна. Согласно И. Валлерстайну, по мере проникновения экономических отношений в периферию, некапиталистическое общество формирует мобильное население, которое расположено к миграции за рубеж. Движимые стремлением к более высокой прибыли и богатству собственники и менеджеры капиталистических фирм вошли на территорию бедных стран, которые расположились на периферии мировой экономики, в поисках земли, сырья, рабочей силы и новых потребительских рынков. В прошлом, проникновению на рынок оказали помощь колониальные режимы, которые назначались бедными регионами в пользу экономических интересов колониальных обществ. Сегодня это стало возможным благодаря неокOLONIALному правительству и транснациональным корпорациям, которые увековечивают власть национальных элит, которые либо участвуют в мировой экономике, как сами капиталисты, или предлагают ресурсы своей страны в международных компаниях на приемлемых условиях [5].

По теории мировых систем миграция является естественным результатом нарушений и дислокаций, которые возникают в процессе экономического развития. Поскольку капитализм распространился в Западной Европе, Северной Америке, Океании и Японии, все большая часть земного шара и растущее население были включены в мировую рыночную экономику. А так как земля, сырье и труд в периферийных регионах подпадают под влияние и контроль рынков, возникают миграционные потоки, часть которых уезжают за границу.

Основные теоретические воззрения сводятся к следующим утверждениям:

- Для достижения наибольшей прибыли капиталисты стремятся механизировать производство, применять промышленные ресурсы. Укрупнение и объединение земель приводит к разрушению систем традиционного землепользования на основе наследования и общего права пользования. Механизация производства уменьшает потребность в ручном труде, что приводит к избытку рабочей силы. Это является фактором для мобилизации рабочей силы.

- Добыча сырья для продажи на мировом рынке требует промышленных методов, которые опираются на оплачиваемый труд. Предложение заработной платы создает рынок труда, основанный на новой концепции индивидуализма, личной выгоды, что ведет к социальным изменениям. Эти тенденции способствуют географической мобильности рабочей силы в развивающихся странах.

- Некоторые люди - в процессе проникновения в их регионы рыночных отношений - переезжают в города, что приводит к урбанизации развивающихся странах, многие уезжают за границу,

потому что глобализация создает материальные и идеологические связи на регионы возникновения капитала. Иностраннные инвестиции, которые стимулируют экономическую глобализацию, идут из небольшого числа крупнейших городов мира, чьи структурные характеристики создают высокий спрос на труд иммигрантов.

- Инвестиции и глобализация сопровождаются созданием транспортной и коммуникационной инфраструктурой, международное движение рабочей силы в целом соответствует международному движению товаров и капиталов в обратном направлении.

- Процесс экономической глобализации создает культурные связи между основными капиталистическими странами и прилегающими к ним развивающимися странами.

- Мировая экономика управляется из относительно небольшого числа городских центров, в которых, как правило, концентрируются банковское дело, финансы, управление, профессиональные услуги и высокотехнологичное производство.

В США глобальные города включают Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес и Майами, в Европе это Лондон, Париж, Франкфурт и Милан, в Тихом океане - Токио, Осака, Сидней. В рамках этих глобальных городов, сосредоточены большое богатство и высокообразованные трудовые ресурсы, создающие устойчивый спрос на услуги неквалифицированных рабочих (уборщики, официантов, работников гостиниц, домашняя прислуга). В то же время, перемещение тяжелого промышленного производства за рубеж, рост высокотехнологичного производства в области электроники, компьютеров и телекоммуникаций, а также расширение сферы услуг, таких как здравоохранение и образование создают раздвоенную структуру рынка труда с высоким спросом на рабочих как на верхнем и нижнем уровнях, но с относительно слабым спросом в середине.

Малообразованные граждане не желают устраиваться на низкооплачиваемые рабочие места в нижней профессиональной иерархии, создавая устойчивый спрос на иммигрантов. Между тем, хорошо образованные граждане и квалифицированные иностранцы претендуют на высокооплачиваемую работу в верхней иерархии профессионального распределения и концентрации богатства, среди них помогает подпитывать спрос на виды услуг иммигрантов. Граждане со средним образованием цепляются за рабочие места ниже среднего уровня, мигрируют из глобальных городов, или полагаются на программы социального страхования и поддержку. Теория мир-системы утверждает, что международная миграция следует политической и экономической организации расширяющегося глобального рынка, из чего следует шесть различных гипотез:

1. Международная миграция является естественным следствием капиталистической формации рынка в развивающихся странах;

проникновение глобальной экономики в периферийные регионы является катализатором для международного движения.

2. Международный поток труда следует за международным потоком товаров и капитала, но в противоположном направлении. Капиталистические инвестиции вызывают изменения, формирующие мобильное население в периферийных странах, в то время как одновременно налаживаются прочные материальные и культурные связи с основными странами, что и приводит к транснациональным движениям.

3. Международная миграция особенно характерна для бывших метрополий колониальных держав и их колоний, потому что культурные, языковые, административные, инвестиционные, транспортные и коммуникационные связи были установлены уже давно и позволили развить свободную конкуренцию, что привело к формированию специфических транснациональных рынков и культурных систем.

4. Международная миграция связана с глобализацией рыночной экономики, каналы регулирования правительствами уровня иммиграции лежат в регулировании заграничной инвестиционной деятельности корпораций и контроля международных потоков капитала и товаров.

5. Политическое и военное вмешательство правительства капиталистических стран для защиты инвестиций за рубежом и поддержки иностранных правительств в стремлении к расширению глобального рынка, когда они терпят неудачу, производят перемещение беженцев, направленные к конкретным ключевым странам, составляющих другую форму международной миграции.

6. Международная миграция, в конечном счете, имеет мало общего с заработной платой или различиями в занятости между странами, это следует из динамики создания рынка и структуры глобальной экономики.

В заключении, хочется отметить, что научные взгляды теоретиков в области миграции служат для понимания причин и факторов не только прошлых, но и современных процессов международной миграции. Изучение теоретических подходов помогает понять закономерности и последствия миграционных процессов, строить прогнозы, проводить более взвешенную и рациональную миграционную политику. Теории миграции были созданы для осмысления влияния миграционных процессов на население и рынки труда.

Несмотря на то, что разные аспекты имеющихся концепций работают и в настоящее время, единой всеобщей теории миграции до сих пор нет. Именно поэтому классические теории миграции не теряют своей актуальности по сей день и используются для решения поставленных целей и задач.

Литература:

1. Цапенко И. Движущие силы международной миграции населения //Мировая экономика и международные отношения, 2007, №3, с. 3-14

2. Самуэльсон П. С17 О чем думают экономисты : Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Пер. с англ. - М.: Московская школа управления «Сколково» ; Альпина Бизнес Букс, 2009. - 49 0 с.

3. Corbett J. Ernest George Ravenstein: The Laws of Migration, 1885. / Center for Spatially Integrated Social Science, UC Santa Barbara <http://www.csiss.org/classics/content/90>

4. Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // American Economic Review. 1970. №60. P. 126-142.

5. Эволюция научных взглядов на теории трудовой миграции//Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 3-4 (102-103).

Baigozhina G.M., PhD, senior lecturer of world economy and international relation department (Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)

DELIMITATION AND DEMARCATION OF CENTRAL ASIAN BORDERS: ITS IMPACT ON MIGRATION FLOW

One of the main causes of internal conflicts in the Central Asian region is the unresolved issue of delimitation and demarcation of borders. The demarcation processes that began after gaining independence have not yet been completed in some regions, as they conflicted with the interests of a certain party. To date, only Kazakhstan and Turkmenistan have fully agreed on their borders with their neighbors, but Kazakhstan is still continuing the process of border demarcation.

The uncertainty of borders is a direct threat to national security, as it is a source of interethnic and border conflicts, as well as a constant source of disputes over resources – water and lands.

During the period of the Soviet Union, the borders were divided in such a way that the republics of what was then Central Asia did not feel ethnic integrity [1, p.1]. Border conflicts and tensions were necessary to ensure that unifying sentiments did not arise on the territory of the former Soviet republics, which could weaken the control of the state apparatus over the territory. With the collapse of the Soviet Union, border conflicts remained, as did the lack of unity in the region, despite the historical and cultural past, which was discussed in the last chapter.

In 1991, the position of the states of Central Asia was also complicated by the fact that Kazakhstan also did not have a clear delimitation and demarcation of borders with Russia. A very serious hotbed of conflicts arose – the Ferghana Valley, to this day there are many enclaves on its territory, which complicate movement for their inhabitants. At that time, purely technically, any state could claim some territory. The most violent confrontations take place between the three states of Uzbekistan –

Kyrgyzstan – Tajikistan.

At the very beginning of its independent existence, Kazakhstan had 12 regions, which immediately became border regions. Thus, the process of establishing borders has become a matter of principle for the country. Also, the territorial-border issue with China, which was “frozen” during the Soviet period, remained unsettled.

To resolve territorial issues, a Joint Delegation of the Governments of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Russia was formed to negotiate with China. The Kazakh delegation began negotiations, forming a delegation in accordance with the Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Kazakhstan dated July 17, 1992 “On negotiations with the People's Republic of China on the mutual reduction of armed forces and confidence-building in the military field in the area of the Kazakh-Chinese border and negotiations on personal issues”. During the negotiations, the legal basis was the agreements and protocols concluded between the Russian Empire and Qing China in the 19th century [1, p.3].

Already on April 26, 1994, Kazakhstan and China signed the Agreement on the Kazakh-Chinese border, which entered into force on September 11, 1995. However, it took another four years for the parties to sign additional agreements. The demarcation of the borders took place only in 2002, supported by a protocol between the governments of the Republic of Kazakhstan and the China on the demarcation of the border line with border signs.

Since the process of demarcation of borders actually began only in the late nineties, the early years of independence of the countries of Central Asia opened up great scope for the development of illegal migration. During that period, trade contacts arose in the border areas between China and Central Asia, the so-called “shop tourism” began to develop, and the influx of Chinese immigrants also increased. Due to the uncontrolled entry of foreign citizens into the territory of the state, Kazakhstan and China had to temporarily conclude an agreement according to which visa-free entry is available only to holders of diplomatic and tracking passports. The entry of foreign citizens into the territory of any state entails the emergence of social and economic problems, such as the development of the shadow economy, the aggravation of the situation in the labor markets, increased social tension, interethnic squabbles, and the aggravation of the criminal situation. Often illegal migration is associated with the transit of drugs.

The vast length of the borders and their relative openness also contributed to the development of human trafficking. The SCO states regulate the fight against illegal migration, but to this day the registration of foreigners is not carried out effectively, since the state border is far from being guarded everywhere.

The delimitation and demarcation of the borders between Uzbekistan and Kazakhstan took place in two stages: after the first round of negotiations, 96% of the borders were delimited. The Presidents of the two countries

signed the Agreement on November 16, 2001, that is, ten years after gaining independence. As a result of further meetings in 2002, other border issues also came to their resolution, so that in 2002 in Astana, the presidents of Kazakhstan and Uzbekistan signed the Agreement again.

The last Delimitation Agreement of 2002 only resolved the issue of some disputed lands, but not individual border points. For example, the Kazakh village of Turkestanets, after long negotiations, was assigned to Uzbekistan, and instead Kazakhstan retained control over the most important body of water. In early 2003, the governments of Uzbekistan and Kazakhstan agreed to redistribute the border. Uzbekistan received lands around the settlements of Bagys and Turkestan, located northeast of Tashkent. Kazakhstan received an isthmus between the Chardara reservoir and Lake Arnasay. The Kazakh “enclave” received direct transport links with the rest of the country [2, p.19].

On February 26, 2001, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed a Memorandum legally regulating the delimitation of their common state borders. The Kyrgyz-Uzbek border was one of the most controversial in the post-Soviet space. After lengthy negotiations between intergovernmental commissions, in 2003 Uzbekistan and Kyrgyzstan announced that they had reached an agreement on the delimitation of 654 out of 1270 km of the mutual state border and no longer had territorial claims to each other.

The delimitation process included the use of various maps as reference points. Tashkent relied on a 1927 map, while Bishkek used a 1954 map, leading to significant discrepancies. As a result, the two countries managed to settle only half of the total length of their borders, leaving more than 400 km of disputed sections [2, p.19].

The seriousness of the conflict is evidenced by Uzbekistan's decision to mine its side of the border with Kyrgyzstan. Mines have been laid along the entire demarcation line, in particular in the Sokh and Shakhi-Mardan enclaves in the Batken region of Kyrgyzstan, as well as in the Ferghana Valley. Mined areas include densely populated areas, and between 2001 and 2002, 13 people died from mine explosions.

However, at a special meeting of the OSCE Permanent Council, held in Vienna on June 18, 2004, Uzbekistan expressed its readiness to consider the issue of demining sections of the border. according to Radio Ozodi, since 1999 till 2012 more than 800 explosions were recorded, in which residents became victims. 350 explosions ended in the death of people, more than 170 people were left disabled. The Mine Clearance Program in Tajikistan concluded that the scale of mined areas is 9 million square kilometers [3].

The process of delimitation and demarcation of borders also left its mark on the demographic picture of Uzbekistan. From 1991 to 1997, migration acquired a spontaneous character that could not be regulated. And from 1991 to 2005 there was a negative balance of the population minus 75,000 people per year.

Uzbekistan also had problems with the delimitation of the borders of Turkmenistan. Turkmenistan is the second country after Kazakhstan in the

region, which by 2023 completely delimited its borders and continues the process of demarcation. After gaining independence, an uncomfortable division occurred for the citizens of Turkmenistan and Uzbekistan: Turkmenistan got the Uzbek minority, which accounted for 9% of the total population of the country, and Uzbekistan received about 150,000 Turkmens [4]. The fact of separation of borders and the presence of national minorities worried the authorities of the two countries more than local residents, since the proximity of the territories and the absence of a rigid border in the past contributed to interethnic marriages and the active movements of citizens during the Soviet period. Since the 1990s, the Turkmen authorities have tightened border security, making it more difficult for ordinary citizens to cross the border [5].

Free borders and unfinished migration policy has caused giant migration flow from Central Asia between 1990 and 1999. During this period Germany accepted 1,63 million ethnic Germans from the former Soviet Union under a repatriation program known as the Spätaussiedler program. In addition, about 120,000 Jews also emigrated from the countries of the former USSR to Germany [6]. Most of these emigrants represented families who were forced to move to the Central Asian region, mainly to Kazakhstan, during Stalin's time. According to the Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States, 49,505 ethnic Germans left Kazakhstan in 1997. Also, during the same year, 2,183 ethnic Germans emigrated from Kyrgyzstan to Germany [4].

Statistics indicate a significant difference in the number of ethnic Germans in other Central Asian countries in 1997. For example, Uzbekistan registered 917 ethnic German emigrants, Turkmenistan – 345, and Tajikistan only 247. One of the reasons for this difference is not only the large number of forced resettlements of ethnic Germans, especially in Kazakhstan, but also the fact that many of them emigrated in the early years of independence of their countries of residence, and until 1996 Germany did not require knowledge of the language for entry. This is especially true in Tajikistan, where the outbreak of inter-ethnic clashes and civil war in 1992 led to mass emigration and a significant reduction in the number of ethnic Germans. While 33,000 ethnic Germans were registered in Tajikistan in 1989, the number of ethnic Germans and Jews who emigrated between 1990 and 1992 was 230,000 [7].

The emigration of ethnic Germans was not the only migration consequence of the Civil War in Tajikistan. During the clashes of 1992-1997, other ethnic minorities, as well as thousands of Tajiks, left the country. During this period, 697,653 Tajiks were registered as internally displaced persons, but most of them returned to their places of origin in 1997. Thousands fled to Afghanistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan and Russia. Since Tajikistan is a center for the transit of drugs from Afghanistan to Central Asia, the flow of migration caused by the conflict in the country has also increased drug trafficking. The flow of drugs goes to Kyrgyzstan, and then to

Kazakhstan.

The Migration Service of the Russian Federation reported in 1998 that there were 50,192 refugees and 126,625 forced migrants in Russia. Most of those who fled to other countries later repatriated to Tajikistan when the conflicting parties signed a peace treaty in 1997. Those Tajiks who were granted refugee status in Russia remained permanent residents and, in the meantime, received Russian citizenship. In 1997-1998, together with the 30,000 Tajiks, Tajikistan received about 2,500 Afghans who fled from armed conflicts in Afghanistan. These people received refugee status [7]. The Russian-speaking population continued to emigrate from all the Central Asian republics. Based on the volume of external migration, Kazakhstan allowed all persons of Kazakh origin living outside the republic to return to their historical homeland. Despite the fact that about 160,000 ethnic Kazakhs arrived in their homeland, the country's population has declined from 17 to 15 million people in the mid-90s. In 1998, the government of Kazakhstan implemented a government repatriation program to alleviate the demographic crisis. The program was designed to facilitate the settling of returnees by providing employment assistance, access to a range of social benefits and support for returnees through integration programs.

Kyrgyzstan and Turkmenistan have also allowed ethnic Kyrgyz and Turkmen migrants to return to their ancestral homelands from neighboring countries, although the governments have not yet decided to provide financial means to the returnees. The International Organization for Migration, together with NGOs and the government of Kyrgyzstan, is working to create a legal framework for a project for the return of ethnic Kyrgyz called "Kairylman".

The main problem to this day is the Fergana Valley and the huge number of enclaves formed on its territory. Enclaves as a phenomenon in themselves are not a problem, the problem in the case of Central Asia is the kilometers of uncoordinated borders, and there are also no barriers to prevent illegal migration in their territories.

Thousands of kilometers of borders continue to be disputed, which serves as a stumbling block for the development of interregional cooperation, as tensions arise from time to time in relations between countries due to territorial disputes. As a result, the last two decades have been marked by numerous territorial disputes between Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. The inter-state and inter-ethnic conflicts that subsequently arose jeopardized the security and stability not only of the Fergana Valley, but also of the entire region. After S. Mirziyoyev came to power in Uzbekistan, in a country that has a more advantageous position in many of these territorial disputes, some positive steps in this matter have become noticeable. In this regard, it is worth considering the current state of affairs in relation to existing territorial and border disputes, as well as to consider recent developments related to them.

For many years, negotiations on the settlement of border disputes have been stalled due to the presence of contradictions in the maps of the Soviet period, indicating different borders of the Ferghana Valley in the 1920s,

1950s and 1980s, which allows each side to use those maps that give it an advantage in defending its positions. As a result, the borders are only partially defined and marked, since there are many disputed territories between Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. The situation is aggravated by the presence of eight enclaves: six of them are located in Kyrgyzstan, and two in Uzbekistan.

Until the disputed territories are properly coordinated, defined and designated, the threat to the stability and security of the region will remain. Although all three States share a common understanding that border issues must be resolved, a combination of interrelated factors, such as the complex landscape, problems related to the use of resources, nationalist sentiments of the border population and lack of political will, has prevented the resolution of this issue for more than two decades.

The most popular destination for migrants in the area is the city of Osh. Since the Fergana Valley is characterized by a high birth rate and agrarian overpopulation, young people and older citizens tend to move to large centers, but due to the lack of education and the opportunity to get a job, they settle in “adobe belts” – these are spontaneously built-up suburban micro districts. The population of Osh city increased from 275,700 people to 312,500 people from 2016 to 2020.

This migration is mostly semi-legal, since not all migrants are included in the statistics of the population of cities. The reason for this is that without having your own living space or the owner of the housing, you cannot get a residence permit. Thus, approximately 25-30% of urban residents may not be counted [8].

Another feature of the Ferghana Valley is the exclaves. These are areas in which separate ethnic groups are compactly located, belonging to one state, but surrounded by the territory of another state. In modern conditions, this is the reason why it is more difficult for the population to move. The key problems of the exclaves are the rapid population growth, the spread of poverty and the problems of interethnic relations.

Thus, today far from all the states of Central Asia have solved the problems of not only demarcation, but also the delimitation of borders. In the early 1990s, unsecured borders and general political confusion led to a huge outflow of population, uncontrolled internal migration, and also led to the threat of drug trafficking. These migration problems were rather the result of the inability of state leaders to resolve border issues, which subsequently lead to interethnic and border conflicts, sometimes armed. Until now, these issues are on the agenda in national security policy, unfortunately, they still remain unresolved.

References:

1. Медеубаева Ж.М. Процесс делимитации и демаркации государственной границы РК // <https://e-history.kz/ru/library/show/24226>
2. Rahimov M., Urazaeva G. Central Asian Nations & Border Issues. – Conflict

Studies Research Center. – 2005. – p.18-19

3. Radio Ozodi. Mina of “political” action.– 2012. // https://rus.ozodi.org/a/mining_uzbekistan_/24538855.html

4. Rahmonova-Schwarz D. Migrations during the Soviet Period and in the Early Years of UUSR’s Dissolution: A Focus on Central Asia. – 2010. // <https://journals.openedition.org/remi/5196>

5. Узбекистан и Туркмения: проблема границы. – ИАЦ. – 2013. // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/uzbekistan-i-turkmeniya-problema-granitsy/>

6. Dietz B. German and Jewish migration from the former Soviet Union to Germany: background, trends and implications. – Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2000.

7. Migration in the CIS 1997-1998. – IOM Publications. – 2002. // <https://publications.iom.int/books/migration-cis-1997-98-1999-edition>, p.139

8. Valikhanova B.M. Ethnographic groups of Fergana Valley. – ISJ Theoretical & Applied Science. Vol. 5. – 2020.

Исатаева А.Г., магистр, ст. преп.

кафедры мировой экономики и
международных отношений

Калиева Г.К., магистр, ст. преп.

кафедры мировой экономики и
международных отношений

(Карагандинский университет

Казпотребсоюза)

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Казахская диаспора по всему миру насчитывает около 5 млн. чел. Согласно неофициальным данным, численность казахов в Узбекистане может насчитывать 1,5-2 млн. человек. Это одна из самых больших казахских диаспор в мире. Имея цель сохранить национальную особенность, «узбекские» казахи организовали в Ташкенте Казахский культурный центр, который уже много лет успешно работает над сохранением языка, традиций, обычаев и духовной культуры нашего народа. И на сегодняшний день главная трудность этнических казахов в Узбекистане – это проблема сохранения казахских школ. По некоторым сведениям, в 540 казахских школах там учится около 300 тысяч ребят. Сейчас назрела потребность открывать лицеи и колледжи с обучением на родном языке. Основная загвоздка учебного процесса – это использование разных алфавитов. Более 20 лет назад Узбекистан перешел на латиницу, а в казахских школах обучение проводится по учебникам, напечатанным на кириллице.

Для получения высшего и профессионального образования на казахском языке в Нукусском государственном университете, Ташкентском, Навоийском, Ангренском и Гулистанском педагогических

институтах созданы кафедры казахского языка и литературы. Преподавание на казахском языке также организовано и в других учебных заведениях.

Узбекские казахи смогут в полной мере удовлетворить свои культурные потребности. Например, в Ташкенте есть Казахский драматический театр, который является очагом казахской культуры в Узбекистане. Кроме того, в Каракалпакстане действует Республиканский казахский театр, а в Мирзачуле и Навоийской области открыты музыкальные и драматические театры. Есть национальные, народные, молодежные и эстрадные ансамбли. Республиканская государственная газета "Нұрлы жол" издается на казахском языке, а республиканское радио и телевидение регулярно вещают на казахском языке.

Численность казахов в Российской Федерации составляет около 800 тысяч человек. Этническая группа русских казахов характеризуется большим, компактным образом жизни, сгруппирована и не очень подвержена ассимиляционным процессам.

Количество казахов, проживающих в Монголии, варьируется – от 80 до 100 тысяч. Наши племена хорошо ладят с монгольским народом, близким по менталитету и культуре, и вносят свой вклад в развитие экономики и культуры этой страны, сохраняя при этом свою этнокультурную идентичность.

В Монголии есть Национальный центр "Арулар", который способствует сохранению казахского языка и культуры, есть небольшое количество казахских школ, но родной язык преподается в основном в семье.

В сентябре 2008 года в Улан-Баторе прошли дни культуры Казахстана, которые впервые прошли в Монголии.

Большинство иностранных казахов проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китайской Народной Республики (КНР), граничащем с Казахстаном.

Численность казахов в Китае составляет около 1,5 млн. человек. Это составляет 13% от общего числа представителей этого населения в мире (в Казахстане их число превышает 12 миллионов). Казахи составляли около 9% населения Синьцзяна в 1940-х годах и только 7% сегодня. Они живут в основном на Севере и северо-Западе. Большинство из них расположены в трех автономных районах – Или, Мори и Буркине, а также в близлежащих селах Урумчи. Их родиной считается территория у гор Тянь-Шаня. Некоторые люди живут в провинциях Ганьсу и Цинхай. Крупнейшими племенами казахов в Китае являются керей, найман, кезай, албаны и суаны.

В основном они располагались в Алтайской префектуре, Или-Казахской автономной префектуре, а также в Илийском и Баликунском автономных округах в северной части Синьцзяна. Небольшая часть этого населения находится в Хайси-Монголо-Тибетском автономном

округе в Цинхэе, а также в Аксайском Казахском автономном округе в провинции Ганьсу. Казахи одними из первых двинулись по Великому Шелковому пути.

Современные миграционные потоки открыли новый этап в истории китайской миграции в страны Центральной Азии, поскольку они формируются в новых политических и экономических условиях сотрудничества и всестороннего партнерства. С одной стороны, современные миграции сохраняют черты прошлого и удивительно повторяют тенденции прошлых веков, включая торговцев, иммигрантов и беженцев. С другой стороны, глобализация размывает специфику и придает миграционному движению всеобъемлющий характер.

В настоящее время все основные виды миграционных перемещений наблюдаются между Китаем и Казахстаном, а также другими республиками Центральной Азии:

- законные и незаконные;
- постоянные и временные;
- добровольные и обязательные и т.д.

Такое разграничение является довольно абстрактным, поскольку на самом деле каждый тип миграции имеет несколько характеристик. Однако такая классификация необходима для дальнейшего регулирования, систематизации и разработки практических рекомендаций.

Первым и основным видом миграции между Китаем и Казахстаном является экономически мотивированная миграция: трудовая, торговая и деловая миграция. Легальная трудовая иммиграция осуществляется по квотам в соответствии с разрешениями, выданными уполномоченным государственным органом работодателю или отдельному иммигранту, прибывшему на работу самостоятельно. Кроме того, иностранные сотрудники будут участвовать в реализации приоритетных проектов по наиболее важным для государства направлениям и в отдельных отраслях, таких как космическая промышленность; некоторые категории работников работают по контракту без выдачи разрешений уполномоченного органа. Бизнес-иммигрантами, в соответствии с законодательством Республики Казахстан, являются иммигранты, прибывшие в Казахстан с целью осуществления предпринимательской деятельности (Закон Республики Казахстан "О миграции населения", 2011).

Явление нелегальной трудовой миграции в Казахстан связано с легальным прибытием многих людей в Казахстан, но тогда они не работают в компании, предприятии или регионе с разрешением; они не зарегистрированы в установленном порядке или зарегистрированы, но затем не продлевают разрешение на пребывание и уклоняются от выезда после истечения срока действия визы или иным образом нарушают внутреннее законодательство Республики Казахстан.

Незаконную трудовую миграцию (или незаконную занятость)

следует отличать от незаконного пересечения границы. Действительно, есть китайские иммигранты, которые нарушают закон при пересечении границы, но пограничные службы останавливают пересечение границы и не допускают в страну иностранных граждан, у которых есть поддельный паспорт или просроченная виза. Транзитная миграция также не велика, поскольку основной страной успеха для трудовых мигрантов из Китая является Россия, куда они едут напрямую или через Казахстан. Последний пример – в мае 2015 года более 40 китайских граждан, которые транзитом через Кыргызстан незаконно пересекли границу Казахстана, чтобы найти здесь работу.

Вторым типом миграции между Казахстаном и Китаем является социокультурная миграция, включающая: миграцию на постоянное место жительства, состоящую в основном из репатриации этнических казахов из Китая в Казахстан, и образовательную миграцию в Китай и из Китая, которая быстро развивалась в 2000-х годах.

Вынужденная миграция (беженцы), в основном уйгуры из соседнего Синьцзяна, политически оправдана. Также сохраняется транзитная миграция китайских граждан через Казахстан и нелегальная миграция, в том числе нелегальная транзитная миграция, но их объем невелик.

Не все виды миграции одинаковы, их история и динамика различны. Торговая (челночная) и деловая миграция приобрели двусторонний характер в первой половине 1990-х годов; образовательная миграция в 2000-х годах появилась новая миграционная тенденция-выезд на постоянное место жительства в Китай. В России эта тенденция сформировалась в начале 2000-х годов, в то время как в Казахстане она представлена в основном возвратной миграцией казахских репатриантов в Китай и, пока в небольшой степени, возвратной миграцией в Китай.

К середине второго десятилетия XXI века сформировались некоторые общие и специфические характеристики миграции: относительно быстрый рост объемов; диверсификация видов; сохранение иного типа миграции для постсоветского пространства в виде торговой или челночной миграции двустороннего характера; многонациональный состав потоков, повышение роли диаспор и сетей мигрантов в миграции и развитии бизнеса; увеличение трудовой и деловой эмиграции в Китай и др. Важной характеристикой миграции из Китая является ее важная мифология и потенциальный конфликт в общественном сознании, который необходимо изучить и предотвратить на ранней стадии.

С первого дня провозглашения государственной независимости Республика Казахстан провозгласила право любого казахстанца за пределами исторической родины вернуться и поселиться в Республике в качестве приоритета своей миграционной политики. В момент обретения суверенитета Республики появилось и укоренилось понятие "оралман", обозначающее иностранцев или лиц без гражданства

казахской национальности, которые постоянно проживали за ее пределами и приехали в Казахстан с целью постоянного проживания [1, с. 343].

Репатриация представляла интерес для нашего государства по ряду причин:

– прежде всего, репатриация помогает сбалансировать демографическую ситуацию, компенсировать миграционные издержки прошлых лет;

– во-вторых, оралманы, имеющие большой опыт адаптации и проживания в чужой среде и рыночных отношениях, могут внести свой вклад в изменение экономического менталитета казахстанцев;

– в-третьих, казахи за рубежом свободно владеют собственной казахской культурой и языком, что является значительным вкладом в духовное благополучие нации. Таким образом, репатриация часто преподносится как составляющая национальной идеи.

Важнейшей проблемой адаптивного образования является сохранение этнической культуры через систему образования, поскольку образование является одним из наиболее очевидных показателей культурного уровня людей. Конечно, это не только расширит спектр культурных идей, но и поможет преодолеть предрассудки. Социокультурная адаптация – сложный процесс. Его сложность объясняется тем, что этническая культура-это опыт существования этнической группы.

Эти и другие проблемы актуальны для многих регионов и представляют собой новое направление педагогических исследований.

Литература:

1. Абссатаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы - Алматы: - Гылым, 1995. – 547 с.

2. Акимбеков С. Тема для размышления. //Континент. – 2000. - №16(29). – 29 августа – 5 сентября.

3. Lias, Godfrey. Kazak exodus. London, 1956. – 457 p.

4. Scharz, Henry G. "The Minorities of Northern China: a survey." - Bellingham. WA, 1984.- p.198.

5. Ма Сяоши. Сибэй хуэйцзу гэмин цзяньши.(Краткая история мусульманских народов Северо-Западного Китая). Шанхай: 1951.-79с.

6. Люй Чженьюй. Чжунго Миньцзу цзяньши. (Краткая история народов Китая). Пекин:1951.-283с.

7. В 2003-2005 году в Казахстан приедут 30 тысяч семей оралманов // www.demoscope.ru.

Абеуова С.Т., к.э.н., доцент кафедры мировой экономики и международных отношений

Абдикаримова А.Т., к.э.н., доцент, проректор по международным связям и стратегическому развитию (Карагандинский университет Казпотребсоюза)

ВЛИЯНИЕ ЭКСПОРТА КАПИТАЛА НА АКТИВИЗАЦИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВСТРАИВАНИЯ ТНК В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

(Доклад выполнен в рамках реализации гранта ИРН АР19680334 «Казахстан в глобальной цепочке добавленной стоимости: экспортный потенциал, стратегия и механизмы интеграции», финансируемого Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан)

В современных условиях большое внимание в анализе глобальных цепочек добавленной стоимости (далее – ГЦДС) исследователи уделяют нематериальным активам, и прежде всего, вопросам доступа к человеческому капиталу. И это не случайно.

Во-первых, на протяжении длительного времени параллельно с ростом производительности труда и доходов населения шел процесс увеличения доли заработной платы в себестоимости продукции. Таким образом, к концу 90-х гг. XX века бизнес становится очень чувствительным к условиям рынка труда, на котором ему приходится заимствовать трудовые ресурсы.

Во-вторых, развитие НИОКР, телекоммуникаций и цифровизация экономики сделали рынок труда еще более глобальным, упростив доступ международных корпораций и ТНК к «глобальному» человеческому капиталу и облегчив условия мобильности человеческих ресурсов.

В этих условиях миграция, как внутренняя, так и внешняя, могла бы стать выходом из создавшегося положения. Мигрант, приезжающий с территории с более низким уровнем жизни, менее чувствителен к уровню заработной платы, чем местное население, и готов, как правило, согласиться на более худшие условия занятости. Действительно население в современный период становится более мобильным. В связи с чем Международная организация по миграции (МОМ) называет 21 век - веком миграции.

Так как главным условием занятости является вопрос заработной платы, то принятие этой концепции способствовало частичному исключению дискриминационных практик в оплате труда. Благодаря этому заработная плата трудовых мигрантов стала все ближе и ближе

приближаться к заработной плате основных работников из числа автохтонного населения, что ограничило возможности бизнеса в экономии на заработной плате мигрантов.

В то же время, так называемые, «мигрантские ниши», в которых находили себе занятость международные мигранты, создавались в не престижных сферах занятости и были достаточно размыты. Любое ухудшение экономического положения в стране реципиенте вело к вытеснению международных мигрантов с рынка труда коренными жителями или внутренними мигрантами. В этих условиях происходит фрагментация бизнеса, т.е. распределение производственного процесса создания товара между различными поставщиками и производителями.

С целью сокращения расходов на труд компании пытаются перенести наиболее трудоемкую часть бизнес-процессов на ту территории, где возможна экономия на заработной плате. Таким образом, происходит вывод трудоемких операций и передача их в развивающиеся страны с более низким уровнем жизни населения, чем в странах базирования. Данные процессы происходят параллельно с миграционными процессами, а иногда даже замещают собой международную миграцию.

Согласно теореме Столпера-Самуэльсона, мобильность капитала должна быть, по крайней мере, взаимоувязана с мобильностью труда. Однако труд и капитал, могут выступать в зависимости от сложившихся условий по отношению друг к другу субститутами или комплиментами. В научной литературе доказано, что капитал и навыки чаще всего дополняют друг друга. Причина этому в том, что квалифицированный труд намного сложнее заменить физическим капиталом (инструменты, станки, оборудование и прочее), чем неквалифицированный [1]. Особенно это характерно для развивающихся стран, где в случае их встраивания в ГЦДС повышаются требования к качеству продукции, а это означает, что растет спрос на квалифицированный труд.

Анализируя взаимосвязь миграции и ГЦДС, прежде всего, стоит понять, как ГЦДС сказываются на объемах миграции и ее направленности. Имеющиеся исследования показывают, что влияние ГЦДС на объемы миграции неоднозначно, а выбор режима использования труда во многом зависит от конкретной ситуации. Для примера, перемещение предприятий электроники четырех крупнейших ТНК из прибрежных районов Китая во внутренние районы привело к смене стратегии по привлечению трудовых ресурсов – стратегия, опирающаяся на трудовых мигрантов была заменена на стратегию привлечения местных работников.

Однако встраивание страны в ГЦДС часто порождает миграционные процессы. Так, перенос ТНК отдельных производственных функций, в том числе, сборочного производства в развивающиеся страны обычно вызывает рост спроса на трудовые ресурсы в местах дислоцирования предприятий, и как следствие, активизацию миграционных процессов.

Примером могут служить промышленные предприятия макиладоры, получившие известность в 60-е гг. 20 века в Мексике. Данные предприятия размещались близко от американо-мексиканской границы и аккумулировали дешевую рабочую силу, в том числе, и внутренних мигрантов [2].

Другим примером могут служить современные предприятия по сборке компьютеров в Китае или швейные фабрики во Вьетнаме. Более того, появился даже такой термин «миграционный ландшафт», который описывает зоны деловой активности, создающиеся при размещении части производственной цепочки и стимулирующие приток дешевой рабочей силы. Примером может служить «миграционный ландшафт», сформировавшийся в мексиканском штате Синалоа после передислоцирования международного капитала с Кубы в Мексику в связи с объявленной блокадой кубинским товарам США в 60-е гг. XX век. Вследствие притока международного капитала в штате Синалоа произошел бум садоводства и овощеводства, спровоцировавший активную миграцию из депрессивных мексиканских штатов Герреро и Оахака и формирование зоны интенсивного земледелия. В результате вблизи мест занятости сформировались мигрантские поселения. Однако в период сбора урожая работников все равно не хватало, в связи с чем, привлекались сезонные мигранты. Поиском рабочей силы для агропредприятий занимались «энганчадоры» – специальные вербовщики [3].

По мнению большинства авторов, причина активизации миграционных процессов в результате встраивания в ГЦДС может быть связана с изменением структуры производства. Часто приход современных компаний способствует индустриализации территорий, вызывая миграцию из деревни в город.

Особенности индустриализации связаны с экономической спецификой стран и практикой их участия в международном разделении труда. К примеру, в результате прихода ТНК в страны Африки к югу от Сахары, которые традиционно специализировались на выращивание сельскохозяйственной продукции, произошли серьезные структурные сдвиги в экономике. В частности, в странах Гвинея, Нигер, Мали и Чад наблюдалась активная миграция сельскохозяйственных рабочих в городские поселения. Произошел рост занятости в госсекторе, оптовой и розничной торговле, в финансовом секторе, на предприятиях коммунального хозяйства, транспорта и телекоммуникации в Гвинее; в общественном секторе (в основном образование и здравоохранение), на предприятиях, предоставляющих производственные и транспортные услуги в Нигере; на предприятиях пищевой и текстильной промышленности в Мали; в карьерах и финансовом секторе, на производственных предприятиях, предприятиях оптовой и розничной (неформальной) торговли, а также на предприятиях гостиничного и ресторанного сервиса в Чаде [4, с. 46-47].

ГЦДС влияют и на качественные характеристики миграционных потоков. Часто они стимулируют женскую миграцию, оказывая положительное влияние на гендерное равенство. Данный феномен особенно характерен для развивающихся стран или стран с традиционной культурой, в которых гендерный дисбаланс в занятости после прихода ТНК уменьшается по мере роста экспортной ориентированности производства. В связи с высокими требованиями, предъявляемыми к качеству в развитых странах, в которые вывозилась продукция, происходил рост спроса на фасовщиков и упаковщиков продукции, с функциями которых хорошо справляются женщины. Кроме того, именно женщины в силу психологических особенностей считаются более гибкими, а их труд ниже оплачивается. Так, в сфере call-услуг в Филиппинах около 50% составляют женщины, в Индии в IT секторе – 33%. Более того, среди руководителей в Индии в сфере IT женщины составляют 25% [5].

При истощении природных ресурсов или росте оплаты труда предприятия встроенные в ГЦДС могут утратить свою эффективность, что вызовет снижение деловой активности, а в конечном итоге, деофшоризацию, т.е. перенос производств обратно в страны базирования. Данные процессы могут крайне негативно сказаться на принимающей территории. Как правило, в этом случае население не возвращается к прежней деятельности и покидает регион в поисках новой занятости. Часть наиболее активных, квалифицированных специалистов переезжает в страны базирования компании.

Еще один феномен, который показывает активную взаимосвязь между миграцией и ГЦДС – это циклическая миграция. Она предполагает возвращение части трудовых мигрантов либо студентов, получивших образование за рубежом, к себе на родину с целью создания собственного бизнеса или международной компании. К примеру, многие новые предприятия в Индии были созданы индийцами, работающими за границей, и продолжающих сохранять связи со страной реципиентом после своего возвращения на родину. Пример может служить кейс, описывающий создание в Нигере женщиной-инженером, получившей образование во Франции и вернувшейся на родину, международной компании NigerLait, ведущей в молочном сегменте крупного рогатого скота [6].

Взаимосвязь между миграцией (внешней и внутренней) и ГЦДС выражается в том, что встраивание предприятий в ГЦДС часто способствуют притоку трудовых ресурсов на принимающую территорию (труд следует за капиталом) из-за повышения спроса на них и роста конкуренции за трудовые ресурсы. Этому могут способствовать, во-первых, рост интенсивности производства; во-вторых, изменение экономической структуры поселенческой организации – индустриализация или деиндустриализация (развитие третичного сектора). Кроме того, может наблюдаться и обратный процесс, когда

лица с мигрантским опытом, возвращаясь на родину пытаются создать предприятие, встроенное в ГЦДС. Можно согласиться с утверждением, что современные исследования показывают возрастающую роль участников ГЦДС в управлении и формировании миграционных процессов, а также влияние миграции на создание необходимых режимов занятости в филиалах ТНК на принимающей территории и в оффшоринговых предприятиях.

Литература:

1. Krusell P., Ohanian L.E., Rìos-Rull J.V., & Violante G.L. (2000) Capital-Skill Complementarity and Inequality: A Macroeconomic Analysis // *Econometrica*, vol.68(5), p.1029-1053.
2. Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 63. № 1. С. 49–58.
3. Алешин Д.А. Современные тенденции поддержки экспорта в развитых странах//*Мировая экономика и национальное хозяйство* №1(61), 2023
4. <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/modern-trends-of-export-support-in-developed-economies>
5. López-Cálix J. R. (2020) Leveraging Export Diversification in Fragile Countries The Emerging Value Chains of Mali, Chad, Niger, and Guinea /*International development in focus*. – International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, – 145p.
6. Global Value Chain Development Report, 2021: Beyond Production, November 2021 // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/747966/global-value-chain-development-report-2021.pdf>
7. Leveraging Export Diversification in Fragile Countries The Emerging Value Chains of Mali, Chad, Niger, and Guinea /*International development in focus*. – International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank(2020), – 145p.

Юсупов У.Б., «Әлемдік экономика» мамандығы, 1 курс магистранты
Ғылыми жетекші: Абдибеков С.У.,
э.ғ.к., м.а. доцент
(Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті)

ЗИЯТКЕРЛІК КӨШІ-ҚОН: ТАРИХИ ЖӘНЕ ЗАМАНУИ ҮРДІСТЕР

Бүгінгі таңда «зияткерлік көші-қон» түсінігі ғалымдар мен жоғары білікті мамандардың жұмыс бабымен өз елінен шет елге кетуін сипаттайды. Дегенмен зияткерлік көш феноменінің ғылыми дискурста жалғыз түсініктемесі жоқ. Зерттеушілер бұл құбылысты көбіне ғылым саласындағы мигранттар, кейде өнер интелегенциясы өкілдері немесе шет елдік студенттердің көшуі деп түсіндіреді. Ең түсінікті әрі жалпылама түсіндірме ретінде ең аз бір жылдың көлемінде шет елде білікті

маманның немесе студенттің өз жұмысымен айналысун айтуымызға болады.

Brain Drain (ақыл-ойдың ағуы) - бір елден, экономикалық сектордан немесе белгілі бір саладан білімді немесе кәсіпқой адамдардың әдетте жақсы жалақы немесе өмір сүру жағдайларына байланысты басқа жерге кетуі [1];

Заманауи зияткерлік көші-қон әлеуметтік құбылыс ретінде өзінің бірқанша кезеңнен өтті. Әлем саяси жүйесінің өзгеру, технологиялардың дамуы мен жаһандық трендтердің өзгеріп отыруы оған өз әсерін тигізбей қалмады. Ғылыми контексте білікті мамандардың өз отандарына басқа елге кетуін ағылшынның «brain drain» яғни, қазақшаға «ми ағуы» немесе «ақыл-ой ағылуы» деген термин қолданылады. Қазақшаға тікелей аударылғанда мағынасы өте түсінікті болмаған бұл термин бізді «зияткерлік көші-қонның» балама ретінде қолданылса керек.

«Ақыл-ойдың ағуы» ның алғашқы кезеңі Бірінші дүниежүзілік соғыстан кейін басталып шамамен 1950 жылдарға дейін жалғасты. Сол уақытта Германиядан 1600ге жуық физиктер, ракета ғалымдары және басқа техника саласы мамандары Америка Құрама Штаттарына (АҚШ) мемлекеттік жұмыс үшін алып кетіледі. (Пейперсил операциясы) [2];

Мәселен, «АҚШ-тың еңбек нарығындағы білімді иммигранттар» зерттеуінде әртүрлі елдерден АҚШ-та келген жоғары білімі бар эмигранттардың өз біліктілігіне сәйкес жұмыс табу мүмкіндіктері тең емес екені анықталды. Бұл негізінен адам капиталының сапасын анықтайтын шыққан елдің ерекшеліктеріне байланысты. Мысалы, мұндай факторлар елдің жоғары білім алуға жұмсайтын жалпы шығыны мен ағылшын тілін меңгеру сапасы болып табылады.

Келесі он жылдықта барынша таңдаулы салалар бойынша ғалымдар өз елдерінен кете бастады. Көптеген Европа жоғару оқу орындары түлектері сондай-ақ аймақтың беделді ғалымдары жұмыс үшін АҚШ, Австралия мен канада сынды елдерге көшк бастады және сол кездегі көшкен ғалымдардың алғашқы легі ретінде сол жерде жаңа отандастықтарын қабылдады. Нәтижеде шамамен 20 жылдан кем уақыт ішінде бір ғана АҚШ та 100 мыңға жуық жоғары білікті мамандар түрлі салалар кәсібилері тобы қалыптасты. [2] Ол өз әсерін АҚШ экономикасындағы реакциясын беруді кешіктірмеді, жоғары инновацияларға және білімге негізделген күшті экономика қалыптасты. Бірақта тиынның екі жағы болғанындай, сол дәуірде Еуропа ғылыми-зерттеу институттары өте әлсіреді. Соғыстан бүкіл ғылыми инфрақұрылымың жойылуымен шыққан Европада келесі 20-30 жылда білкті мамандар қажеттілігі жоғары деңгейге жетті.

Келісі үшінші кезең 1960-1980 жылдарды өз ішіне қамтыды. Үрдістің негізгі мазмұны өзгермеседе бұл кезеңде «мидың ағылуы» тек қана Европадан ғана емес, бір қатар азия, латинамерикандық сондай-ақ африка елдерінен де жүре бастады. Бұл елдерден көшкен ғалымдардың

негізгі бөлігі де АҚШ, Канада, Ұлы Британия мен Австралия сынды дамыған елдерге орнығысты. [2]

Бірқанша ғалымдардың назариялары және тарихи статистикалар бойынша «ақыл-ой ағылуы» негізінен бұрынғы отарланған елдер болып келеді. Оған негізгі себептер кезіндегі колониялар және оларды отарлаған елдермен ортақ тарихы жақындық қалыптасқан. Мысалы, кезіндегі Африка елдерін Францияда бүгінде ең көп африкалық мигранттар өмір сүреді. Сәйкесінше, оңтүстік Азия елдері Үндістан, Пәкістан мен Бангадештен мигранттар Англияны толтырған. [3]

Күніміздің ең соңғы тенденцияларының бірі зияткерлік миграцияның һәм ғылыми һәм практикалық тұрғыдан екі түрі пайда болды. Олар тікелей және тұрақты тұру визасын алу арқылы еңбек ету. Тұрақты тұру визасын алу арқылы жоғары білікті мамандар сол елдердегі фирмалармен келісімшарт арқылы еңбек етеді. Оған көптеген халықаралық студенттер көп жағдайда өздері оқыған елдерде сол түр құжат және визалар арқылы сол елде қалып еңбек ете береді.

Әлем елдерінің кейбірлерінде арнайы мемлекеттік бағдарламалар жасалып елге жоғары және одан кейінгі оқу дәрежелері үшін арнайы гранттар ажыратылуда. Халықаралық кәсіби мамандарды өз елдеріне тарту арқылы білікті мамандарға деген сұранысты біршама болсада бастыруға әрекет жасалуда. Өткен ғасырдың 80-90 жылдарында ең алдымен АҚШ-та жасалған бұл үрдіс бүгінде Американың ең негізгі маркетингтік рекламасын жасап үлгерді. Танымал «American dream» компаниясында әлем халқы үшін еш жарнамасыз бір маркетингтік инструмент ретінде пайдаланылуда. Уақыт өте келе АҚШ-та жоғары білікті мамандарға деген сұранысы азайған жоқ (сурет 1). Бүгінде 9 млн американдық мигранттар тарапынан жаратылған жұмыс орындарында еңбек етеді. Жылына STEM саласында (ғылым, техника, инженерия мен математиканы талап ететін салалар) еңбек ететін мигранттар елдегі бүкіл 1 миллиард доллардан асатын стартаптардың 50% құрған. [4, 13 б.]

Сурет 1. Құрама Штаттардағы шет елдік мамандар үшін берілетін жылдық квоталар мен іс жүзіндегі сұраныс

Ескерту: әдебиет көзінен ақпарат алынған [4].

Бірқатар эмпирикалық зерттеулер көрсеткендей, адами капиталдың жинақталуы қоғамда әртүрлі жағымды сыртқы әсерлерді тудырады. Адамдардың қоғамға жат мінез-құлықтың әртүрлі формаларына бейімділігі әлсірейді және сонымен бірге олардың басқалар үшін қолайлы мінез-құлыққа бейімділігі артады. Демек, бір жағынан қылмыстық әрекетке бару қаупі төмендейді. Екінші жағынан, сайлаушылардың азаматтық белсенділігі мен хабардарлығының деңгейі артып келеді. Бірақ мұндай сыртқы әсерлер оларды генерациялайтын адамдардың еңбекақысында көрсетілмегендіктен, адам капиталына көбінесе оның шын мәніндегіден төмен баға беріледі.

Егер реципиент елдер туралы айтатын болсақ, онда соңғы онжылдықтарда көптеген дамыған елдердің еңбек көші-қоны процесіне анағұрлым ілтипатпен қарайтынын, білікті кадрларды алуға тырысқанын атап өткен жөн. Басты мақсат: елге барынша экономикалық пайда әкелетін адамдарды тарту. Барған сайын көбірек елдер қабылдаушы елде кәсіби табысқа жету ықтималдығы жоғары үміткерлерді таңдауға арналған көші-қон бағдарламаларын жүзеге асыруда.

Жеке тұлға үшін адами капиталдың құны сыртқы факторлардың әсерінен төмендеуі мүмкін екені белгілі: мысалы, осы нақты дағдылар мен білімдерге сұраныс болмаған кезде немесе оны жүзеге асыру үшін қажетті материалдық базаның жоқтығы. Бұл жағдайда маман өз елінде сұранысқа ие болмаса, бұл оның адами капиталының құнсыздануына әкеледі. Демек, бұл жағдайда жеке тұлға үшін зияткерлік көші-қон туралы шешім экономикалық тұрғыдан өте ұтымды.

Ал кейбір мемлекеттер (Гайити, Ямайка) өз елдерінде білікті мамандарды сақтап қалу мақсатында түрлі шараларды, мемлекеттік бағдарламаларды қабылдауда. Кейбір Кариб өңірі мемлекеттерінде елдің 80% ға жуық жоғары кәсіби мамандары елден кеткен. Сондықтан ол елдерден ел ішінде тәлім алған докьюрлар мен инженерлердің шет елге жұмысқа кетуіне кейбір тыйымдар бар.

Ондай мысалды біздің елімізде, Қазақстанда да ұқсас баламасын көрумізге болады. Әрине мемлекетімізде ешкімнің шет елге шығуына тиым салынбаған, әрине ол белгілі сот шешімімен құдаланбаған болса. Дегенмен «Болашақ» сынды бағдарламалар арқылы шет елде мемлекеттік грант пен жоғары білімге ие болған жастар белгілі уақыт бойынша ел ішінде еңбек етуге мәжбүр болады. Қазақстандық жастардың шет елдерде білім алуына әсер ететін мемлекеттік бағдарламалардың бірі бұл «Болашақ» стипендиясы болып табылады.

Халықаралық «Болашақ» стипендиясы алғаш рет 1993 жылы ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаевтың қаулысымен бастау алды. Бағдарлама арқылы жыл сайын жүздеген жастар үздік шет ел жоғары оқу орындарында мемлекет тарапынан төленетін тегін грант арқылы білім алады. Стипендия арқылы бүгінгі күнге дейін мамандырылған салаларда 11474 маман дайындалды [5, 8 б.]. Олардың қанша бөлігі елде

қызмететуде және қанша бөлігі шет елдерде қалуда таңдағаны тұралы анық мәліметтер жоқ. Дегенмен олардың арасында оқу мерзімі аяқталғаннан кейін сол жерде еңбек ету мақсатымен қалып қойғандар да баршылық.

Практикада көрінгендей, бұндай тиым салулар көп жағдайларда оң пайдасын бермейді. Көп жағдайда бұндай тосқауылға ұшырағандар өз мамандықтарын ауыстыру немесе біліктілігі жайында мәліметтерді жасыру сынды әрекеттерге барады екен. 2019-жылғы «Болашақ» стипендиясы иегерлері арасында өткізілген сауалнамада респонденттердің жартысы жақын уақытта елден кетуді жоспарламағанын білдірсе (сурет 2)

Сурет 2. Түлектердің миграциялық жоспарлары жайлы берген жауаптары

Ескерту: әдебиет көзінен ақпарат алынған [5].

Жоғарыдағы жауаптардан көретініміз, 30%-ға жуық түлектер белгілі міндеттемелер және жеке отбасылық себептерге байланысты шет елге кете алмауын білдірген. Керісінше Европа одағында жүзеге асырылған кейбір әлеуметтік саясаттар өз жемісін көрсетті. Европалықтар өз ғылыми элитасын Америкаға кетіп қалуын шектеу үшін жергілікті ғылыми инфрақұрылымды тиімді жаңарту арқылы, ғалымдарға жоғары жалақы тиімді жұмыс жасау атмосферасын жарату арқылы өздерінің мамандарын сақтап қалуды жүзеге асыра алды [6, 28 б.].

Қорыта келе, зияткерлік көші-қон бүгінгі жаһандану аясында жылдам дамып бара жатқан әлеуметтік-экономикалық үрдіс болып табылады. Оның еліміз экономикасы үшін пайдасын арттыру үшін тек қана еліміз азаматтарын қолдау, сондай-ақ дарынды шет елдіктер үшін тиімді жағдайлар жарату маңызды болып табылады. Оның үшін ең алдымен білім беру саласы, жұмыс беру секторы сынды тағы басқа әлеуметтік маңызыдылығы жоғары салаларда жүйелі демократиялық құқықтық өзгерістер мен реформалар жүргізу қажет болып табылады. Еліміздің экономикасында ғылым мен инновациялардың үлесін барынша арттыру арқылы ең алдымен білікті мамандарға деген сұранысты да жасанды

арттырумыз қажет болып табылады. Экономикалық заңдылықтарға сүйене отырып пайда болған сұранысты қанағаттандыру келесі қадамдардың бірі болады.

Әдебиеттер тізімі:

1. Anna Lee Saxenian. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. «Economic Geography Publishing» Volume 21, 2006. Page 23
2. Hoshkish A. Intellectual Migration. A Sociological approach to Brain Drain // Journal of world history, 1966 Vol.10 URL: http://www.globalpoliticaleconomy.com/intellectual_migration.html
3. Digest of Education Statistics, National Center for Education Statistics. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/2019menu_tables.asp
4. Michel Beine, Frederic Docquier, Hillel Rapoport, Brain Drain and economic growth: theory and evidence // Journal of Development Economics: Volume 64 (2022). Pages 275–289
5. Preventing Brain Drain: Kazakhstan's Presidential «Bolashak» Scholarship and Government Regulations of Intellectual Migration. URL: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.ppa.19.3.27764>
6. Цепенко И.П. Интеллектуальная миграция в развитых странах: URL: <https://riep.ru/upload/iblock/e7d/e7de507f64754ac612549fbf85cbac2e.pdf>

Ибраимов А.К., магистрант ОП

«Мировая экономика»

Науч. руководитель: Медуханова Л.А.,
к.э.н., ст. преп. кафедры международных
отношений и мировой экономики
(Казахский национальный университет
имени Аль-Фараби)

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМА, МАЛАЙЗИИ И ТАИЛАНДА)

Юго-Восточная Азия демонстрирует удивительные примеры динамичного экономического роста в последние десятилетия. Страны, такие как Вьетнам, Малайзия и Таиланд, перешли от аграрной модели развития к промышленно ориентированной экономике, достигая значительного прогресса в сферах технологий, образования и экономической интеграции. Казахстан, обладая богатыми природными ресурсами и стремясь к диверсификации своей экономики, может извлечь значительную пользу из изучения опыта данных стран. Изучение динамичного экономического роста стран Юго-Восточной Азии предоставляет Казахстану возможность понять и применить на практике успешные стратегии и механизмы развития, адаптировав их к местным условиям.

Для понимания экономического положения стран Юго-Восточной Азии рассмотрим основные экономические показатели Вьетнама, Малайзии и Таиланда, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Основные экономические показатели стран Юго-Восточной Азии за 2022 г.

	Вьетнам	Малайзия	Таиланд
ВВП	~408 млрд \$	~406 млрд \$	~495 млрд \$
Численность населения	~98 млн	~33 млн	~71 млн
ВВП на душу населения	\$4163	\$11971	\$6908
ИЧР	0,701	0,803	0,800
Доля ПИИ к ВВП	4,4%	3,6%	2,1%
Основные экспортные товары	Электроника, обувь, текстиль	Электроника, нефть и газ, пальмовое масло	Электроника, автомобили и их запчасти, резина
Примечание: данные взяты из сайта databank.worldbank.org			

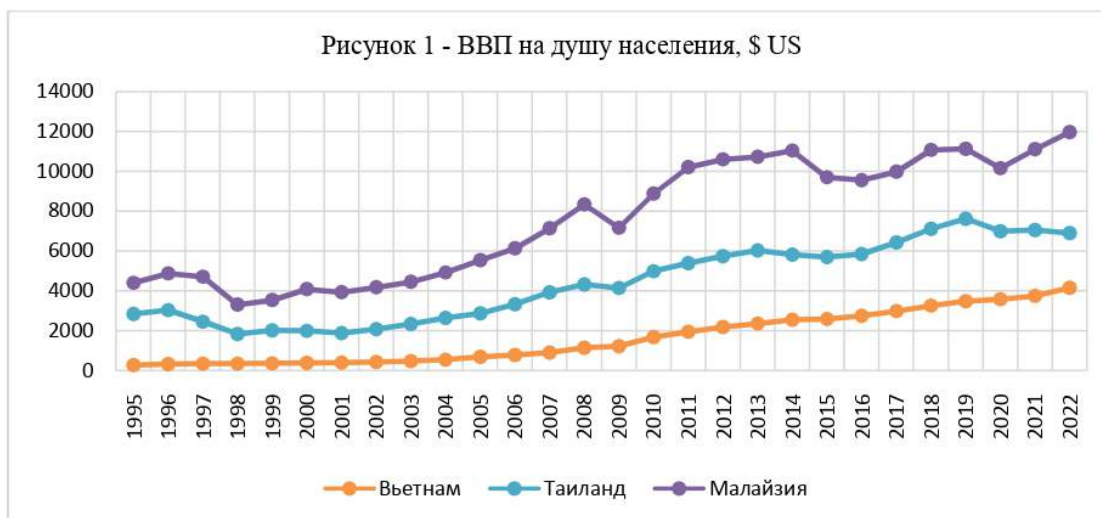
Анализируя представленные данные, можно отметить, что Внутренний валовой продукт (ВВП) рассматриваемых стран находится на приблизительно схожем уровне, во Вьетнаме ~408 млрд \$, Малайзии ~406 млрд \$, Таиланд больше ~495 млрд \$. В целом это указывает на паритет в масштабе их экономик.

Численность населения в странах различается, что непосредственно отражается на показателе ВВП на душу населения. Во Вьетнаме этот показатель ниже, всего \$4163, что свидетельствует о более дешевой рабочей силе. Это, в свою очередь, влияет на характер экспорта страны, в ней доминируют такие товары как электроника, обувь и текстиль. Промышленно развитые страны стремятся инвестировать в регионы с дешевой, но квалифицированной рабочей силой, во Вьетнаме индекс человеческого развития (ИЧР) составляет 0,701. Это может объяснить высокую долю прямых иностранных инвестиций (ПИИ) к ВВП в Вьетнаме (4,4%) по сравнению с другими рассмотренными странами.

Несмотря на более доступную стоимость труда во Вьетнаме, ВВП на душу населения в Малайзии и Таиланде выше, \$11971 и \$6908 соответственно. Это свидетельствует о более высоком качестве жизни в данных странах, ИЧР Малайзии составляет 0,803, а в Таиланде 0,800. Этот факт, вероятно, влияет на структуру их экспорта. Так, Малайзия активно экспортирует электронику, нефть и газ, пальмовое масло. Таиланд, в свою очередь, сосредотачивается на экспорте электроники, автомобилей, их запчастей и резины.

Рисунок 1 демонстрирует динамику ВВП на душу населения в Вьетнаме, Таиланде и Малайзии с 1995 по 2022 годы. Можно заметить стабильный и постоянный рост Вьетнама, который, начиная с 280\$ в середине 1990-х, продемонстрировал впечатляющие темпы роста, ВВП

на душу населения в 2022 году составляет уже 4163\$, изменение в 1486%. Таиланд и Малайзия также показали устойчивое увеличение ВВП на душу населения, однако их рост не столь интенсивный и имеет колебания. Так ВВП на душу населения Таиланда выросло с 2848\$ до 6908\$, изменение 242%, у Малайзии с 4405\$ в 1995 году до 11971\$ в 2022 году, изменение составило 271%.

Примечание: данные взяты из сайта databank.worldbank.org

Рисунок 2 демонстрирует динамику годового роста ВВП для Вьетнама, Малайзии и Таиланда. Заметно, что Вьетнам проявляет себя как экономика с относительной стабильностью, особенно во времена глобальных экономических потрясений. Например, во время Азиатского кризиса 1997 года, Мирового экономического кризиса 2008 года и кризиса, вызванного пандемией COVID-19, Вьетнам оказался менее уязвимым в сравнении с Таиландом и Малайзией. Это может говорить о его устойчивости к внешним шокам и эффективности проводимой экономической политики.

Примечание: данные взяты из сайта databank.worldbank.org

В целом, можно отметить, что каждая из этих стран имеет свою уникальную траекторию развития и роста. Их экономические инициативы и реформы, проведенные в прошлом, оказали влияние на текущие показатели. Далее рассмотрим ключевые экономические программы и политику, принятую этими странами, для более глубокого понимания их экономической динамики.

К развитию Вьетнама положило начало экономическая реформа «DoiMoi». Эта реформа была запущена в 1986 году на 6-м съезде Коммунистической партии Вьетнама. «DoiMoi» в переводе с вьетнамского означает «нововведение» или «обновление». Целью реформ было преобразование стагнирующей, централизованной плановой экономики в динамичную рыночную экономику социалистического типа.

Одним из первых шагов данной реформы было разрешение частного фермерского хозяйства. Это позволило фермерам продавать свою продукцию на рынке после уплаты государственных налогов. Благодаря данной реформе уже в 1989 году Вьетнам экспортировал 1,4 млн. тонн риса и преодолел постоянный дефицит продовольствия. В 2008 году он экспортировал 4,7 млн. т, став вторым в мире экспортером риса после Таиланда и помог предотвратить угрозу международного продовольственного кризиса 2008 года [1]. В 2022 году Вьетнам экспортирует 6,8 млн. т. риса и является третьим мировым экспортером, после Таиланда с экспортом в 8,2 млн. т. и Индии с экспортом в 21,5 млн. т. [2].

Кроме того, Вьетнам начал активно привлекать иностранные инвестиции, предоставляя преференции и льготы иностранным инвесторам. Это привело к росту экономики и технологическому обновлению многих отраслей. В 2022 году было привлечено инвестиций на сумму 8 млрд \$US. Были созданы товарные и финансовые рынки, монетарная и кредитная системы были реформированы. Снижены тарифы, упрощены торговые процедуры и установлен плавающий обменный курс вьетнамского донга. Вьетнам активизировал внешнюю торговлю и стал частью мировой экономики. Соотношение общего объема торговли и ВВП Вьетнама увеличивалось - с 1:1 в 2000 году до 1,17:1 в 2004 году и 1,45:1 в 2008 году [1], а на момент 2021 года соотношение составило 1,86:1. Было проведено ряд реформ в правовой системе, создавая более прозрачную и предсказуемую деловую среду.

В результате экономические реформы DoiMoi привели к быстрому экономическому росту, снижению уровня бедности, улучшению уровня жизни населения. Вступление Вьетнама в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1995 году, а также во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2007 году также позволило ускорить интеграцию Вьетнама в мировую экономику.

Малайзийская экономическая модель выделяется своими ярко выраженными этапами развития. Основными вехами трансформации стали Новая экономическая политика (НЭП, 1971–1990 гг.), программа «Vision 2020» (1991–2020 гг.) и действующая на данный момент Видение общего процветания 2030 (Shared Prosperity Vision 2030), начавшаяся в 2020 году.

НЭП была направлена на сокращение экономических и социальных различий между разными этническими группами Малайзии. Это было особенно актуально, из-за расовых беспорядков в 1969 году.

Программа «Vision 2020» была выдвинута 4-м Премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом в 1991 году. Согласно этой программе, правительство ставило цель стать индустриально развитой страной в 2020 году. Для этой цели планировалось поддерживать рост ВВП на уровне 7% в год. Однако Мировой экономической кризис 2008 года и институциональные проблемы Малайзии негативно повлияли на реализацию данной программы [3].

Во многом реализации программы препятствовали коррупционные действия предыдущего правительства под руководством Наджиба Тун Разака, которые привели к серьезному ущербу экономике Малайзии в 2016 году. Наджиб был обвинен в махинациях и переводе миллиардов долларов на свои личные счета. Этот случай считается одним из самых серьезных в истории Малайзии. Ли Тезуо, который был главным организатором этой схемы отмывания денег, и другие высокопоставленные чиновники также были упомянуты в жалобе США. Из-за этого скандала и растущего долга страны, Малайзия придется столкнуться с необходимостью финансовой дисциплины в ближайшие годы [3].

На данный момент в Малайзии действует новая программа «Shared Prosperity Vision 2030». Целью данной программы является создание процветающей и инклюзивной Малайзии.

Для реализации данной цели поставлены задачи по обеспечению непрерывного процветания, формирование обучающегося общества, стимулирование справедливого экономического роста, и инклюзивности, а также акцентирование на учрежденческой эффективности, устойчивости и формирование процветающего общества. Эти задачи основываются на 15 руководящих принципах и поддерживаются 8 ключевыми инструментами, включая фискальную устойчивость, образование и большие данные [4].

Таиланд в последние годы активно предпринимает усилия по модернизации своей экономики и переходу к новому этапу развития. На самом деле, в истории Таиланда попытки перехода к новому этапу развития не является новинкой. Если взглянуть на исторический путь развития страны, можно выделить следующие этапы: «Thailand 1.0», «Thailand 2.0», «Thailand 3.0» и нынешняя «Thailand 4.0».

По сути, данные этапы развития характеризуют собой переход специализации страны в те сектора экономики, которые станут определяющими для её экономического роста. Так начиная с первичного сельского хозяйства (Thailand 1.0) произошел переход к легкой промышленности (Thailand 2.0), а затем к тяжелой промышленности (Thailand 3.0), Таиланд столкнулся с угрозой «ловушки среднего дохода»[5].

Стратегия «Thailand 4.0», представленная в 2018 году должна перевести страну из категории стран со средним доходом в категорию стран с высоким доходом. Стремление к инновациям, акцент на устойчивом развитии, развитие экономики на основе знаний и фокус на ключевых приоритетных секторах делают эту стратегию не только амбициозной, но и необходимой для укрепления позиций Таиланда на мировой арене.

Страны Юго-Восточной Азии, такие как Вьетнам, Малайзия и Таиланд, демонстрируют устойчивый экономический рост, что стало результатом комбинации активных экономических реформ, стратегического планирования и успешной интеграции в мировую экономику.

На основе исследования можно выделить следующие общие черты и особенности:

– Устойчивый экономический рост: все три страны имеют положительную динамику роста ВВП, что указывает на их стабильность и устойчивость экономической системы.

– Стратегическое планирование: все страны активно разрабатывают и реализуют долгосрочные стратегии, например Малайзия с её программой «Shared Prosperity Vision 2030», Таиланд с программой «Thailand 4.0» или Вьетнам с «Doi Moi».

– Интеграция в мировую экономику: страны активно сотрудничают с другими странами, что позволяет им привлекать иностранные инвестиции и получать выгоду от международной торговли.

В целом, несмотря на общие черты в экономическом развитии, каждая из этих стран имеет свои уникальные особенности и источники роста, что делает их опыт ценным для изучения и анализа.

Литература:

1. Tuan, Hong Anh (2009). Doi Moi and the Remaking of Vietnam.-Global Asia.- Vol. 4, No. 3. -URL: https://www.globalasia.org/v4no3/cover/doi-moi-and-the-remaking-of-vietnam_hong-anh-tuan

2. Statista. Top rice exporting countries worldwide 2011-2022. - [URL]: <https://www.statista.com/statistics/255947/top-rice-exporting-countries-worldwide-2011/>. [date of access: 24.10.2023]

3. XU Jianing (2020). The Economic Impact of Malaysia's Institution on the Failure of the Wawasan 2020 // Journalism, Xiamen University. - URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/74/e3sconf_eblm2020_02005.pdf

4. Ministry of Economic Affairs of Malaysia (2019). Shared Prosperity Vision 2030. - URL: <https://www.ekonomi.gov.my/sites/default/files/2020-02/Shared%20Prosperity%20Vision%202030.pdf>
Royal Thai Embassy, Washington D.C. Thailand 4.0. - URL: <https://thaiembdc.org/thailand-4-0-2/> [date of access: 26.10.2023]

Байманов К.Ж., магистрант
Науч. руководитель к.и.н. **Досова Б.А.**
(Карагандинский университет имени
Е.А. Букетова)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали неотъемлемой частью нашей жизни, проникая во все сферы современного общества и оказывая влияние на различные социально-экономические аспекты. Развитие научно-технического прогресса, средств массовой информации и коммуникации требует поиска теоретических и понятийных подходов, способных описать новые явления, возникающие в результате взаимодействия информационных технологий и социально-экономических процессов. Миграция - один из ключевых социально-экономических процессов, имеющих стратегическое значение для экономического развития государства. Воздействие информационно-коммуникационных технологий на миграционные процессы порождает новые явления, способные существенно изменить миграционный ландшафт и стратегию миграционной политики государства. Наблюдается формирование явления, позволяющего людям отказаться от привязки к определенному географическому пространству [1].

Причины, влияющие на желание человека покинуть регион постоянного проживания, могут быть разнообразными, включая социальные, экономические, политические и экологические факторы, проблемы с трудоустройством, различия в заработной плате регионов, семейные и культурные факторы и др.

Распространение информационно-коммуникационных технологий принципиально меняет трудовую деятельность человека, добавляя новые способы заработка и вызывая изменения в области труда. Одним из таких факторов является либерализация рынка труда: возможность поиска работы по глобальной сети Интернет позволяет работникам получать доступ к мировым рынкам вакансий и информации о работодателях, также возможность заниматься удаленной работой, обеспечивая гибкость места работы и позволяя работникам выбирать

проекты вне зависимости от их физического местоположения без необходимости физического присутствия в офисе, участвуя в экономике других стран [2].

Другим существенным фактором, оказывающим влияние на миграционные процессы, является недостаточно высокий уровень развития инфраструктуры и разный уровень жизни в различных частях страны. В частности, отсутствие достаточного количества объектов культурной сферы, таких как театры, музеи и библиотеки, а также ограниченный доступ к медицинским услугам и невозможность получения высококачественного образования являются факторами, способствующими оттоку населения.

Применение ИКТ в образовательном процессе в настоящее время открывает новые возможности для организации учебного процесса, позволяя получать образование, повышать квалификации и приобретать новые навыки не покидая границы собственного дома. COVID-19, затронувший каждого человека на планете, ускорил цифровизацию в глобальном масштабе, продвинув использование ИКТ в образовательном процессе [3].

Еще одним из значимых факторов, воздействующих на решение человека покинуть место своего постоянного проживания, является фактор безопасности. В этот аспект включаются уровень преступности в регионе, степень загрязненности окружающей среды и уровень психологического комфорта в данной локации. С развитием информационно-коммуникационных технологий данный фактор может приобрести ключевое значение для миграционной активности населения. В этом контексте средства массовой информации и коммуникации не всегда способны устранить или снизить напряженность, связанную с уровнем безопасности в регионе, а в некоторых случаях наоборот информационная обеспеченность населения о преступлениях и правонарушениях, осуществляемая через эти средства, может вызвать мгновенную реакцию, что может отрицательно сказаться на психологическом состоянии населения [2].

ИКТ влияют на миграционные процессы, облегчая их управление и повышая уровень комфорта для мигрантов. Электронные системы виз и разрешений на работу позволяют ускорить процессы оформления документов, телекоммуникации обеспечивают оперативную связь, а онлайн-ресурсы предоставляют доступ к информации о стране назначения и местной культуре. Образовательные ресурсы в виде онлайн-курсов и языковых программ помогают мигрантам адаптироваться, а социальные сети создают виртуальные сообщества для обмена опытом и поддержки. ИКТ также играют роль в управлении данными о миграционных потоках, обеспечивая более эффективный контроль и анализ информации для миграционных служб и органов управления.

Примером может явиться «женская миграция». Причинами вынужденного или принудительного перемещения женщин могут выступать: поиск работы, улучшение качества жизни, беженство, переселение, домашнее насилие и др. Женская миграция может быть временной, сезонной или постоянной, и охватывает разнообразные обстоятельства и мотивации. В период миграции женщины могут сталкиваться с вызовами, такими как адаптация к новой культурной среде, семейные вопросы, доступ к образованию и здравоохранению, а также рабочие и правовые вопросы. Гендерный аспект миграции включает в себя изучение роли, статуса и влияния женщин в миграционных процессах, а также разработку политики, учитывающих их уникальные потребности и вклад в общество [4].

ИКТ играют важную роль в облегчении и улучшении условий для женской миграции: ИКТ предоставляют женщинам, собирающимся мигрировать, доступ к информации о правилах и процедурах миграции, условиях в странах назначения, а также организациях, предоставляющих поддержку; различные форумы и страницы в социальных сетях для обмена опытом и советами; поддержка и консультации в сфере медицины; платформы поддержки в случае домашнего насилия, освоение новых навыков и получение образования.

Таким образом, ИКТ способствуют повышению информированности, безопасности и доступности услуг для женщин в миграционных процессах.

Существует множество организаций, которые занимаются миграционными процессами, предоставляя поддержку, информацию и ресурсы для мигрантов. Одна из таких организаций Международная организация по миграции (МОМ) обеспечивающая порядок и сотрудничество в миграционных вопросах для преодоления проблем, связанных с миграцией. Организация существует с 1951 года и является ключевым международным учреждением, специализирующимся в сфере миграции. Основная цель - обеспечение безопасности мигрантов, поддержание устойчивого управления миграцией и оказание помощи в различных аспектах миграционных процессов. МОМ предоставляет широкий спектр услуг, включая гуманитарную помощь беженцам, организацию возвращения и реинтеграции мигрантов, предоставление информации и консультаций, обучение и образование, а также исследования и аналитику в этой области.

Параллельно с этим недавние исследования в области изучения границ, наблюдения и контроля все больше подчеркивают важную роль, которую играют технологии для поддержания национальной безопасности в рамках миграционных процессов. Технологии в сфере миграции кардинально изменяют процессы пограничного контроля, становясь неотъемлемой частью системы управления миграцией. Они представляют собой эффективные инструменты для резкого ограничения передвижения граждан третьих стран, а также являются

препятствием к свободе беженцев и вынужденных переселенцев, оставшихся за пределами вновь возведенных границ.

Таким образом, цифровые инструменты, которые сами мигранты используют для облегчения своего переезда в развитые страны, могут быть использованы против них. Цифровые следы могут служить вектором для враждебных политических режимов из государств происхождения для отслеживания политических оппонентов. Существует также риск дезинформации, что может поставить саму возможность миграции под угрозу [5].

Современные технологии, активно используемые мигрантами, стали средством управления миграционными потоками со стороны национальных государств и наднациональными агентствами.

Новое направление исследований основывается на пересечениях между цифровыми технологиями, соображениями безопасности и миграционными режимами. Так, начался процесс «цифровизации европейских границ», целью которого является превращение ЕС в «кибер-крепость» на основе новых технологий способствовало появлению нового процесса контроля пограничных проблем «Биометрии». Биометрия играет важную роль в миграционных процессах, предоставляя эффективные методы идентификации личности и обеспечивая безопасность в границах страны.

Использование биометрии в миграционных процессах помогает усилить безопасность и предотвратить случаи мошенничества с использованием поддельных документов. Однако при этом важно обеспечивать строгие меры конфиденциальности и защиты данных, чтобы предотвратить возможное злоупотребление этой информацией [5].

Информационные технологии сменили традиционный подход к решению социально-политических задач, а лишь дополнили его, постепенно превращаясь составной частью жизни. Информационные технологии за счет своей практичности и скорости являются трендом современного глобального развития.

Использование ИКТ в миграционных процессах является неотъемлемой частью современного мира. Технологии улучшают эффективность и прозрачность процедур, обеспечивают связность между странами и мигрантами, а также способствуют улучшению условий для интеграции переселяющихся лиц. ИКТ способствуют обмену информацией, упрощают оформление документов, обеспечивают безопасность и контроль над миграционными потоками. Однако при внедрении технологий необходимо учитывать социокультурные и этические аспекты, а также обеспечивать равный доступ к ним для всех групп мигрантов.

Миграционные процессы в современном мире оставляют отпечаток на различных сферах жизни, и ИКТ играют ключевую роль в адаптации к новым условиям. Поэтому дальнейшее развитие и интеграция

информационных технологий в миграционные практики могут способствовать созданию более устойчивого и инклюзивного общества.

Литература:

1. Бобылев В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы) //Власть. – 2009. – № 6. – С. 61-64
2. Шевцова Е.В. Влияние ИКТ на миграционные процессы и региональную политику: Идеи и идеалы № 1(11), т. 2.– 2012. – С. 54-60
3. Закон Республики Казахстан от 04.07.23 г. № 15-VIII//О миграции населения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298.
4. Осадчая Г.И., Киселева Е.Е., Киреев Е.Ю., Черникова А.А. Основные векторы женской миграции на Евразийском пространстве //Женщина в российском обществе. –2021. –№ 2. –С. 129-148
5. Иванова А.П. Роль современных технологий в миграционных процессах: помощь мигрантам или новое препятствие на их пути? (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 135-143. DOI: 10.31249 /iajpravo/2023.02.12

Abeuova Aruzhan

*Student of School of Political Science and
International Relations
(Nazarbayev University)*

PREVENTING AND TACKLING IRREGULAR MIGRATION IN LEGAL MIGRATION CHANNELS

2021 again saw the launch of new cooperation initiatives with third countries aimed at preventing irregular migration, primarily through strengthening institutional capacity in those third countries. Policies and operational changes sought to reinforce border security management and ensure better preparedness for unforeseen irregular migration flows, such as those witnessed at the borders with Belarus and from Afghanistan. Member States also adopted various legislative and policy measures to prevent and tackle misuse of legal migration channels. Several Member States continued their efforts to monitor and identify irregular migration routes through the use of monitoring and analysis task forces or platforms.

Key developments in 2021 included the 'Renewed EU action plan against migrant smuggling (2021- 2025) and the Communication on the application of Employer Sanctions Directive (2009/52/EC), providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals. Both documents are important deliverables of the New Pact on Migration and Asylum[1].

The Renewed EU action plan against migrant smuggling (2021-2025) sets out actions to counter and prevent migrant smuggling and to ensure that the fundamental rights of migrants are fully protected.

The Communication on the application of Directive 2009/52/EC of 18 June 2009 presented measures to improve the effectiveness of the Directive, which aims to sanction employers who recruit third-country nationals without the right to stay in Europe, protect the rights of irregular migrants, and provide for inspections. Furthermore, the Migration Preparedness and Crisis Blueprint, operationalised in 2020, became a key operational framework to monitor and anticipate migration flows, provide for early warning/forecasting, build resilience and preparedness and organise a coordinated response to a migration crisis.

In the second half of 2021, the Blueprint Network, which brings together the Commission, the EEAS, the Council, Member States, relevant Agencies and, on ad hoc basis, international organisations, proved its significant added value in monitoring, situational awareness and operational coordination of the situations in Afghanistan and at the border with Belarus. It allowed the Commission to stay on top of the situation, take evolving needs into account and provide a coordinated response, by mobilising structures, tools, human and financial resources in cooperation with EU institutions, Agencies and affected Member States.

Several Member States reported legislative and awareness-raising measures to combat migrant smuggling, primarily focused on enhancing border control.

Belgium highlighted the need to provide migrants with information on the dangers of irregular migration and proposed information sessions and guidance on legal migration pathways for migrants.

Austria provided freight carriers with enhanced information on smuggling of migrants, giving lorry drivers multilingual flyers on possible hiding places and advice on checks before departure and during breaks.

In Estonia, the legislation on an automated biometric identification system (ABIS) database was adopted by the government and entered into force in July 2021. The database allows the state to capture, store and compare biometric personal data (fingerprints and facial images).

Belgium and Sweden referred to the adoption of the EU action plan against migrant smuggling (2021-2025), which sets out key pillars and concrete actions to counter and prevent smuggling, and to ensure that the fundamental rights of migrants are fully protected.

Ireland adopted the Criminal Justice (Smuggling of Persons) Act 2021, which makes it an offence for a person to intentionally assist the entry, transit or presence in the State of a person where the person knows or has reasonable cause to believe that this is in breach of a specified provision of immigration law, whether such conduct occurs inside or outside the State [2].

Prevention of irregular migration

The main policies and operational changes to prevent irregular migration targeted reinforced border security management, including border barriers at EU's external borders, fostering the exchange of views on the changing security and migration situation (including discussion of measures in Afghanistan and neighbouring countries), and mitigating the increase of irregular migration flows. Belgium introduced security upgrades at its borders, as well as awareness-raising campaigns to deter third-country nationals from moving to the EU irregularly. Several other Member States organised information campaigns for migrants and potential migrants in destination and countries of origin in an effort to counter misinformation around irregular migration. Some Member States, such as Finland, adopted new action plans to prevent irregular migration, providing a comprehensive, cross-cutting approach to the issue. The Netherlands carried out an evaluation of four information campaigns.

Prevention of irregular stay

Some Member States adopted measures to prevent third-country nationals from becoming irregular and to combat facilitation of irregular stay. These primarily focused on awareness-raising activities, increased cooperation with third countries, enhanced controls and regularisation.

Estonia and the Netherlands reported reinforced cooperation with local authorities (tax and customs boards, labour inspectorates, municipalities) to better tackle irregular work visas and irregular employment.

The Netherlands reported the extension of five pilots undertaken by municipalities to achieve sustainable solutions for long-term irregularly staying migrants.

Sweden adopted new legislation to identify irregularly staying migrants by allowing the police to take photographs and fingerprints at internal checks on foreign nationals.

In Belgium, new measures focused on awareness-raising campaigns on future-oriented legal options (e.g. the possibility of assisted voluntary return) among hard to reach groups through EU funded initiatives, such as the 'Reach Out' project carried out through the European Return and Reintegration Network (ERRIN).

Luxembourg opted for regularisation measures, allowing for the ad hoc regularisation of 50 people, based on serious humanitarian grounds.

Figures 1 and 2 below provide an overview of third country nationals subject to immigration law enforcement in 2021 [3].

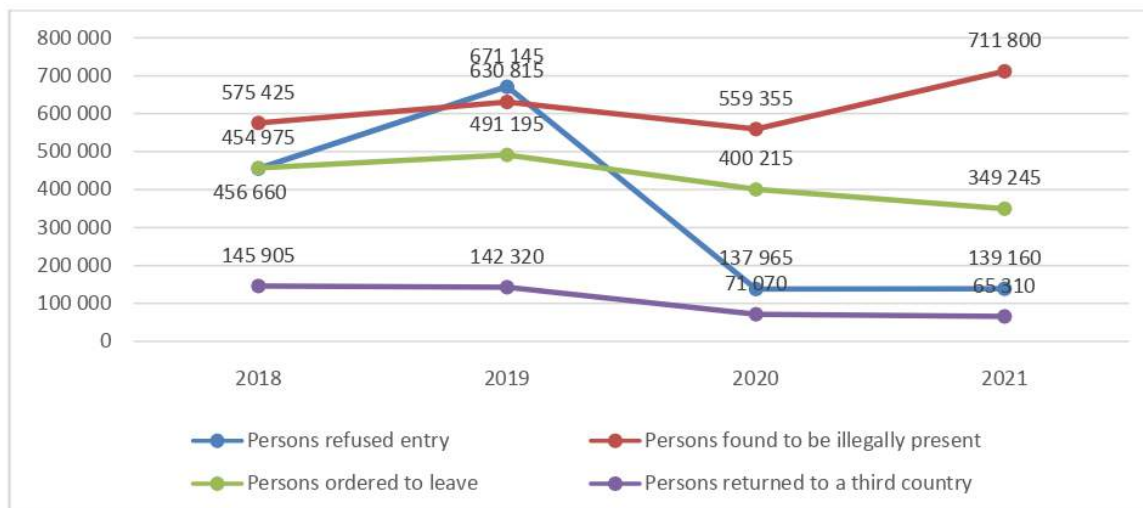

Figure 1 – Third-Country Nationals subject to immigration law enforcement (absolute numbers and ratios per 1 000 population), EU and Norway

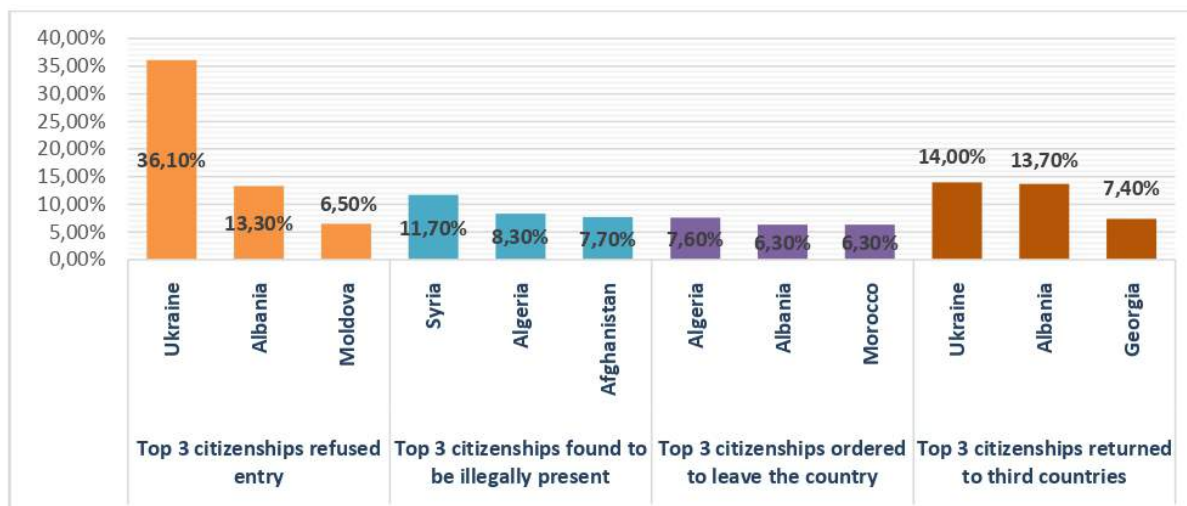

Figure 2– Third-Country Nationals subject to immigration law enforcement (top 3 countries), 2021, EU and Norway

Cooperation with third countries to prevent irregular migration

New cooperation initiatives with third countries to prevent irregular migration typically aimed to strengthen institutional capacities of third countries and reinforce operational cooperation to combat irregular migration.

New partnerships were established with western and southern Mediterranean countries (Algeria, Egypt, Israel, Jordan, Lebanon, Libya, Mauritania, Morocco, Palestine, Syria, Tunisia) and with Eastern Partnership countries (Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, Ukraine), with a specific focus on the situation in Belarus. France also launched Joint Operational Partnerships with countries in the African Atlantic Coast (particularly Guinea and West Africa).

The Western Balkans region (Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, North Macedonia, Montenegro, Serbia) remained a key focus for migration management for many Member States. The Slovak Republic continued the joint project between the Visegrad Group (V4) countries and the Federal Republic of Germany.

The project aims to build Morocco's capacity as a transit country to manage irregular migration and to prevent the causes of migration by means of creating jobs in the water and waste management sector.

Some Member States focused their cooperation efforts on other geographical areas, such as Afghanistan and Pakistan in Central and Southeastern Asia, where they organised tailored awareness-raising campaigns for Vietnamese nationals in transit towards the UK.

In the Southern Neighbourhood, France and Italy implemented measures oriented towards the root causes of migration and migrant smuggling, respectively, by fostering local development and promoting the economic inclusion of refugees and local populations in Tunisia, Libya and Algeria, Lebanon and Jordan.

Monitoring and identifying irregular migration routes

Several Member States and Georgia continued their efforts to monitor and identify irregular migration routes, with specific focus and efforts on the creation or follow-up of monitoring and analysis task forces or platforms.

References:

1. Directive 2009/52/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals
2. Renewed EU action plan against migrant smuggling (2021-2025), https://ec.europa.eu/home-affairs/renewed-eu-action-plan-against-migrant-smuggling-2021-2025-com-2021-591_en
3. Source: Eurostat (migr_eirfs, migr_eipre, migr_eiord1, migr_eirtn1)

***Маханькова Ангелина, студент ОП
«Международные отношения»
Науч. руководитель: Сыздыкбеков Е.С.,
магистр, ст. преп. кафедры мировой
экономики и международных отношений
(Карагандинский университет
Казпотребсоюза)***

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЭМИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

За годы независимости миграционные процессы в Казахстане прошли несколько этапов: от стремительного и неуправляемого развития в 1990-х гг. – к относительной стабильности миграционных

процессов и постепенному переходу к их регулированию со стороны государства.

Миграционные процессы и миграционное поведение в Казахстане имеют свои специфические особенности, обусловленные историческими процессами, происходившими в XX веке. Так, в колониальный и советский периоды Казахстан пережил три крупные волны масштабной иммиграции:

– первая волна (в период реализации столыпинской переселенческой политики) – переселение крестьян из центральной части Российской империи на национальные окраины-колонии, в том числе и в Казахстан;

– вторая волна (в период Великой Отечественной войны) – эвакуация рабочих кадров из европейской части Советского Союза (далее СССР) в Казахстан и насильственная депортация больших этнических групп (корейцев, немцев, турок-месхетинцев, греков, курдов, поляков, чеченцев, ингушей, крымских татар, калмыков и других) в Казахстан;

– третья волна (в период экстенсивного освоения целинных земель в Казахстане, строительства и эксплуатации промышленных объектов) – приток большого количества специалистов и работников из других республик СССР в Казахстан.

В целом с начала XX века до конца 1980-х годов в Казахстан было переселено порядка 5,6 млн. человек, в том числе 3,5 млн. человек за 1940-1988 годы. В итоге казахи в Казахстане оказались в меньшинстве: доля казахов в общей численности населения Казахстана снизилась с 92% в начале XX века до 29% в 1962 году [1, с. 73].

Из всего вышесказанного необходимо обратить внимание на очень важные моменты: если миграция первой волны (в колониальный период) имела добровольный, экономический характер, то миграционные процессы второй и третьей волны (в советский период) носили исключительно командно-административный, силовой характер. Такие методы управления населением не могли способствовать формированию единой советской нации, поэтому данный социальный эксперимент партийного руководства провалился, чему в немалой степени способствовал рост национального самосознания этнических групп.

Как следствие, после распада СССР начался массовый отток населения из Казахстана, вызванный несколькими причинами:

- ухудшение социально-экономических условий жизни как следствие разрыва экономических связей и экономического кризиса при переходе к рыночной экономике;

- завершение процессов трудовой миграции и обмена, начавшихся в советское время;

- возвращение этнических групп на историческую родину (Россия, Украина, Беларусь, Германия, Израиль и др.) [1, с.74].

С момента обретения Казахстаном независимости в 1991 году был дан старт новой миграционной политике, имеющей также свою специфику и направленной на:

- возвращение этнических казахов на свою историческую родину;
- привлечение квалифицированной иностранной рабочей силы (далее ИРС);
- сдерживание стихийной нелегальной иммиграции.

В целом, в миграционных процессах в Казахстане можно выделить несколько периодов:

1991-1998 годы – период масштабной и стихийной эмиграции, носившей преимущественно этнический характер в условиях глубочайшего экономического кризиса и ухудшения социально-экономических условий жизни населения;

1999-2003 годы – период сокращения объемов эмиграции и активизации процессов трудовой иммиграции в Казахстан преимущественно из других стран Центральной Азии в условиях стабилизации экономической ситуации в Казахстане;

2004-2008 годы – период увеличения числа трудовых иммигрантов и поиск эффективных механизмов по регулированию миграционных процессов и принятию мер по противодействию нелегальной миграции;

2009-2016 годы – период влияния отрицательных последствий мирового финансово-экономического кризиса на миграционные процессы, ухудшения ситуации на рынке труда, сокращение объемов трудовых иммиграционных потоков;

С 2017 года по настоящее время – период увеличения числа трудовой иммиграции из стран Центральной Азии, усиления оттока трудоспособного населения в ближнее и дальнее зарубежье, поиск новых более эффективных механизмов и инструментов по регулированию миграционных процессов.

В целях повышения положительного эффекта от привлечения иностранной рабочей силы Правительством Республики Казахстан еще в 2017 году была утверждена Концепция миграционной политики на 2017-2021 годы, а также Программа по реализации данной Концепции [2]. Произошедшие изменения в миграционной политике свидетельствуют о повышении внимания государства к вопросам внешней трудовой миграции, относящейся к разряду комплексных общенациональных проблем.

В 2022 году правительство Республики Казахстан после завершения действия Концепции миграционной политики на 2017-2021 годы, утвердило Концепцию миграционной политики на 2023-2027 годы [3]. В связи с новыми глобальными геополитическими вызовами, а также внутренними рисками принятие новой концепции было своевременным.

Необходимо отметить, что в 1990-х и начале 2000-х годов наблюдавшийся массовый отток населения из Казахстана был, в первую очередь, связан с репатриацией наших сограждан на историческую

родину, то есть имел исторические предпосылки). В дальнейшем эмиграционные потоки в основном обусловлены социально-экономическими причинами.

В целом, после 2004 года наблюдается значительное сокращение эмиграции по сравнению с предыдущим периодом. Однако сальдо миграции, после короткого перерыва во второй половине 2000-х годов, продолжает оставаться отрицательным. После начала реализации Концепции миграционной политики, направленной на повышение положительного эффекта привлечения иностранной рабочей силы для национальной экономики и сбалансирование сальдо миграции наблюдается следующая ситуация (таблица 1)

Таблица 1. Сальдо миграции в Казахстане в 2017-2022 годах

Год	Выбытие мигрантов по всем потокам	Прибытие мигрантов по всем потокам	Сальдо миграции
2017	968 545	946 415	- 22 130
2018	930 052	900 931	- 29 121
2019	1 155 477	1 122 507	- 32 970
2020	874 288	856 570	- 17 718
2021	788 766	767 549	- 21 217
2022	827 180	820 458	- 6 722

Примечание: составлено автором [4]

Как видно из таблицы выше, самое малое сальдо миграции с 2017 года можно наблюдать в 2019 году (-32970 человек). К 2022 году этот показатель заметно увеличился, (-6722 человек), однако такие показатели, в первую очередь, связаны с обострением военно-политической ситуации между Российской Федерацией и Украиной.

Можно предположить, что в будущем сальдо миграции будет сохранять отрицательное значение. Чтобы этого избежать, в Концепции миграционной политики в Республике Казахстан на 2023-2027 годы предусматривается работа по эмиграции, иммиграции и внутренней мобильности по семи направлениям, включая:

– образовательную иммиграцию, то есть развитие Казахстана как образовательного хаба, что в перспективе привлечет заинтересованную в качественном образовании молодежь, а также специалистов и ученых в разных сферах;

– бизнес иммиграцию, что в условиях глобальной конкуренции за инвестиции сможет привлечь иностранных инвесторов, создав комфортную бизнес-среду предоставив различные преференции и удобства, включая инвесторские визы для иностранных граждан;

– привлечение в Казахстан квалифицированных трудовых кадров, в особенности квалифицированных специалистов, чтобы компенсировать отток квалифицированных кадров из страны и стабилизировать ситуацию на рынке труда;

- переосмысление регулирования этнической миграции для этнических казахов, проживающих за рубежом, и внедрение инициатив и программ для укрепления связей кандасов с исторической родиной и содействие их интеграции в развитие страны;

- выполнение международных обязательств по работе и оказанию помощи беженцам, лицам, ищущим убежища и лицам без гражданства на территории Казахстана;

- защиту прав казахстанских трудовых мигрантов в виде оказания посреднической помощи, содействия в трудоустройстве в иностранных компаниях, подписания двусторонних договоров по защите трудовых прав казахстанцев со странами, привлекающими большое количество казахстанцев, чтобы в перспективе использовать квалифицированные кадры как база для развития инноваций внутри страны;

- стимулирование внутренней мобильности в стране для выравнивания демографических дисбалансов посредством создания рабочих мест, оказания финансовой помощи участвующим в экономической мобильности, организации проектов для привлечения молодежи [3].

Стоит отметить, что проблема неравномерного распределения населения по территории, неоднородности состава населения и недостатка рабочих кадров в Казахстане стоит довольно остро, и своевременное реагирование на сложившуюся ситуацию в Казахстане не только позволит выровнять эти показатели по стране, но и в будущем позволит воспользоваться для страны преимуществами. В частности, возрастной состав населения в Казахстане благоприятен для экономического развития. На начало 2022 года количество людей в возрасте от 15 до 62 лет составило 57,7% [3]. В связи с этим трудовая сфера должна быть полностью укомплектована. Однако по данным НПП "Атамекен" более 9,5 тыс. компаний указали нехватку рабочих кадров в период 2021-2023 годов [5]. Причиной тому продолжает оставаться эмиграция трудоспособного населения, в том числе квалифицированных кадров.

Предпосылки к трудовой эмиграции квалифицированных кадров исходят из стереотипа о непрестижности высшего образования в Казахстане. Казахстан, как известно, вовлечен в мировое образовательное пространство, то есть абитуриенты имеют возможность поступить в вузы за границу. Так, в 2021 году около 89,3 тыс. человек обучались за рубежом, основными направлениями выступали Российская Федерация, Турецкая Республика, Киргизская Республика и Соединенные Штаты [6]. В перспективе обучающиеся расширяют свой кругозор, изучают иностранные языки и могут перенять опыт иностранных специалистов, однако после обучения многие остаются работать за рубежом. Так проявляется "утечка умов", поэтому развитие "человеческого капитала", привлечение и удержание ценных

специалистов должно стать одним из приоритетных направлений в политике.

Нехватка кадров в наукоемких отраслях приводит к стагнации науки по всей стране, и это явление существует с самого начала существования независимого Казахстана. Более 10 лет с обретения независимости наука в Казахстане не развивалась. К тому моменту, как государство начало постепенно уделять должное внимание науке, было упущено много возможностей. Наука, будучи одной из главных отраслей экономики в передовых странах, в Казахстане является второстепенной, "дотационной" отраслью, при этом доля бюджетных средств, вложенных в науку, стала увеличиваться лишь недавно. В то же время в тех же передовых странах уже не столько государство, сколько малый и средний бизнес заинтересован в развитии научных отраслей: доля его вложений в развитых странах сегодня колеблется от 65% до 85% от общего количества выделяемых для развития науки денежных средств [5]. Казахстанский же малый и средний бизнес в основном задействован в сфере услуг, а крупный – в добывающей отрасли. Поэтому запроса на внедрение инноваций фактически не поступает. Следовательно, привлечение инвестиций в сферу бизнеса и стимулирование бизнеса на внедрение инноваций может благоприятно сказаться не только на самом бизнесе, но и на развитии науки Казахстана.

Итак, миграционные процессы в Казахстане частично обусловлены историческим развитием, определившим его современное состояние, включая сырьевую направленность экономики, многонациональность и малочисленность населения относительно огромной территории. Поэтому, было бы неправильно оценивать миграционные тренды в Казахстане, основываясь на устоявшихся шаблонах и мировых трендах.

Миграционные процессы в Казахстане, связанные в том числе с историческим прошлым, определившим особенности миграционных потоков, непосредственно влияют не только на демографическую ситуацию в стране, но и на сферы образования, труда, науки и экономики Казахстана. Чтобы избавиться от негативных последствий, важно не закрывать глаза на негативные тенденции в сфере эмиграции и вкладывать больше средств в эту сферу.

Взаимосвязь факторов влияния, причин и последствий внешней трудовой миграции, а также её структуры и основных направлений, представляет собой причинно-следственную связь, изучение которой может способствовать выработке эффективных механизмов и инструментов регулирования миграционных процессов, направленных на удовлетворение потребностей национальной экономики.

Литература:

1. Попова Е.А. Международная миграция: исторический контекст и современные реалии // Государственное управление и государственная служба:

журнал Академии государственного управления при Президенте РК. – Астана, 2017. – № 1. – С. 72-80

2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 602 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017-2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017-2021 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602>

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961 Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961#z12>

4. Данные с сайта Министерства внутренних дел Республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/article/details/13120?directionId=14766&lang=ru>

5. В каких отраслях работодатели испытывают дефицит кадров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kapital.kz/business/104223/v-kakikh-otraslyakh-rabotodateli-ispytyvayut-defitsit-kadrov.html>

6. Наука как решающий фактор развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nauka.kz/page.php?page_id=1020&lang=1&new&article_id=6193

Мукашева Карина, студент ОП
«Международные отношения»
Науч. руководитель: **Сыздыкбеков Е.С.**,
магистр, ст. преп. кафедры мировой
экономики и международных отношений
(Карагандинский университет
Казпотребсоюза)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Долгие годы Европейский Союз последовательно формировал свою внешнюю политику с целью эффективного управления миграцией, вовлекая в сотрудничество страны исхода и транзита миграционных потоков через такие внешнеполитические инструменты как политика развития и региональные консультативные процессы. Демонстрируя превентивный подход, Евросоюз стремился создать систему, обеспечивающую предсказуемую и контролируруемую миграцию, за счет улучшения условий жизни в странах исхода, сокращения факторов, выталкивающих мигрантов в страны Европы. Однако в дальнейшем непоследовательность и несогласованность европейской внешней и иммиграционной политики по отношению к странам Северной Африки и Ближнего Востока привели к миграционному кризису в Европе.

Вместе с тем, положительный опыт ЕС, связанный с миграционными процессами и их регулированием представляет интерес

для других региональных объединений, в частности Евразийского экономического союза, членом которого является Казахстан. Изучение миграционной политики ЕС позволит нам выявить положительный опыт управления миграцией и использовать его в Казахстане.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на те принципы, которых придерживаются страны ЕС в своей миграционной политике.

Принцип солидарности. Одним из главных принципов миграционной политики является принцип солидарности, который выражается в уважении естественных прав человека, координации политических и общественных сил в решении миграционного вопроса. Жан-Клод Юнкер, бывший президент Европейской комиссии, заявил, что для достижения солидарности необходима «коллективная ответственность» Европы.

При активной поддержке мигрантов ЕС разрабатывает ряд операций. В ноябре 2014 г. несколькими странами ЕС (Нидерландами, Мальтой, Испанией, Португалией, Исландией, Литвой, Францией и Финляндией) был запущен совместный проект, основной целью которого было обеспечение патрулирования морских границ и спасение мигрантов в Средиземном море. Однако позже ряды «Тритона» пополнили другие члены политико-экономической ассоциации, и число государств, участвующих в миссии, достигло 21. Операция помогла Италии справиться с наплывом беженцев и способствовала спасению сотен мигрантов, которые каждый день рисковали своей жизнью, чтобы любыми способами добраться до берегов Европы.

Однако принцип солидарности не всегда является приоритетом среди государств-членов Европейского союза в разрешении миграционного кризиса. Еще до окончания общеевропейской миссии «Тритон» Лондон объявил о своем выводе. Прежде чем Брюссель одобрил этот проект, Лондон ясно дал понять, что спасение беженцев не решит миграционную проблему. «Мы не будем поддерживать запланированные поисково-спасательные операции в Средиземном море. Мы считаем, что они оказывают противоположный эффект и побуждают больше мигрантов отправляться в опасное морское путешествие», - заявила представитель Министерства иностранных дел Джойс Энели [1].

Одной из главных задач ЕС, которая все еще стоит на повестке дня, является борьба с торговцами людьми. Основная тактика торговцев людьми заключается в покупке старых судов для перевозки нелегальных иммигрантов. Выйдя в открытое море, экипаж оставляет судно на произвол судьбы, чтобы в дальнейшем не быть задержанным. На сегодняшний день наркоторговцам удается избегать ответственности за «перелеты в Европу».

Расселение беженцев по Евроне. 22 сентября 2015 г. государства-члены ЕС приняли решение о предоставлении национальных квот для беженцев в Европе. Этот принцип был

разработан для снижения миграционного давления в таких странах, как Италия и Греция. Экономические и демографические показатели, такие как ВВП, численность населения, уровень безработицы и количество уже принятых во внимание ходатайств о предоставлении убежища, принимались во внимание при приеме беженцев в еврозону.

ЕС располагает широкой правовой базой, с помощью которой беженцы распределяются по Европе. В настоящее время внедряется Дублинский регламент-3, пересмотренный и дополненный странами ЕС в 2016 г. Согласно правилам, мигранты не могут выбирать, в каком государстве искать убежища. Законодательство позволяет подавать заявление на получение статуса беженца только в той стране, в которую иммигранты въезжают впервые. В то же время, если есть желание сменить страну, мигранты должны вернуться в свой первоначальный пункт прибытия.

Дублинский регламент распространяется на следующие страны: Великобританию, Польшу, Исландию, Чешскую Республику, Австрию, Португалию, Ирландию, Данию, Бельгию, Румынию, Италию, Эстонию, Болгарию, Словакию, Латвию, Финляндию, Кипр, Словению, Литву, Францию, Испанию, Люксембург, Германию, Швецию, Мальту, Греция, Швейцария, Норвегия, Венгрия, Нидерланды.

В дополнение к Дублинскому соглашению ЕС соблюдает «Закон о статусе беженцев», принятый в 1951 г. Конвенция является наиболее важным законодательным актом в установлении статуса и прав беженцев. Согласно её основным положениям, государственные органы являются основным средством регулирования ситуаций с беженцами. Они обязаны сохранять права и свободы внутренне перемещенных лиц и беженцев, в то же время, следя за развитием такой правовой ситуации, которой пользуются все иностранцы, прибывшие в иностранную страну на общих основаниях.

Социальная адаптация мигрантов в Европе. Большинство мигрантов, приезжающих в Европу, принадлежат к разным этническим общинам, которые имеют свою собственную культуру, свое собственное историческое прошлое. Европейский союз оказывает финансовую поддержку странам ЕС, которые разрабатывают и внедряют меры по адаптации ислама к современным демократическим ценностям. Во-первых, они предоставляют льготы беженцам. Согласно европейскому законодательству, человек, обратившийся за убежищем для рассмотрения своего дела, имеет право легально жить, учиться, работать в Европе, получать пособия (до 550 евро на человека в месяц, в зависимости от страны) [1].

Власти Нидерландов поощряют мигрантов к участию в общественных мероприятиях, способствующих изучению писанных и неписанных правил, социальных норм поведения. Местная система предоставляет социальную помощь в виде бесплатных курсов голландского языка, но с одним условием: если беженцы не будут

прилагать усилий, учиться или пытаться адаптироваться к современному обществу, государство может наложить на них санкции. «Каждый беженец получает от правительства кредит в размере 10 тыс. евро для оплаты языковых курсов. После трех лет обучения, если человек успешно сдаст экзамен, кредит ему будет списан. Если экзамен не будет сдан, что ж, нам придется вернуть деньги государству», - объясняет Л. Троост, координатор голландских курсов для беженцев [2].

Германия является одним из лидеров по количеству иммигрантов, которые находятся в 2015-2016 гг. Именно поэтому государство активно разрабатывает проекты, направленные на обеспечение интеграции беженцев в демократическое общество. Германия уделяет большое внимание изучению языка, мигрантам часто предлагаются интенсивные курсы. Беженцы получают в среднем 600-900 часов языкового образования, что намного больше, чем в других странах ЕС.

Также, в ЕС действуют антимиграционные движения, такие как PEGIDA и движение «Закрыть границы». Движение PEGIDA было основано Лутцем Бахманом в Дрездене и с октября 2014 г. проводит демонстрации с целью повлиять на иммиграционную политику правительства Германии. Он привлек внимание общественности, когда его митинги стали массовыми и охватили большое количество людей. Демонстрация 7 декабря собрала около 10000 человек, а 15 декабря – 15000. Во время еженедельных протестов 2015-2017 гг. на баннерах были такие лозунги, как «за сохранение нашей культуры», «против религиозного фанатизма» и «против религиозных войн на немецкой земле». Число сторонников PEGIDA неуклонно росло вплоть до 2016 г.; движению удалось выйти за пределы Саксонии и в целом приобрести пангерманский характер [2].

5 января 2015 г. демонстрации, как сторонников, так и противников движения, прошли во многих городах Германии, собрав в общей сложности около 30000 человек, в т.ч. 18000 сторонников движения только в Дрездене.

После стрельбы в редакции Charlie Hebdo около 25000 сторонников движения приняли участие в демонстрации 12 января. Были также митинги противников движения. Ангела Меркель заявила, что ислам является частью Германии, и принимает участие в мусульманском митинге протеста в Берлине.

Комментаторы объясняют успех организации недовольством европейской иммиграционной политикой и недоверием к политикам и средствам массовой информации.

В 2016 г. в Хельсинки прошли демонстрации движения «Закрыть границы» против мигрантов. Участники акции считали, что финны должны обращать внимание в первую очередь на потребности собственных граждан, а не на мигрантов. Главный лозунг движения звучит так: «Центры приема финских бездомных, террористы -

убирайтесь из Финляндии!». По данным миграционной службы, в 2015 г. в Финляндию прибыло около 32,5 тыс. беженцев из разных стран [3].

Следует отметить, что ЕС сотрудничает с общественными и политическими институтами в решении миграционного вопроса. В 2016 г. ЕС и Турция подписали соглашение о мерах по урегулированию миграционного кризиса. По данным аналитического издания EurActiv, канцлер Германии Ангела Меркель поддержала сделку, назвав ее «первым реальным шансом» остановить миграционную волну. Среди сторонников пересмотра были Дональд Туск, глава Европейского совета, и Жан-Клод Юнкер, глава Европейской комиссии. Цель сотрудничества – «разрушить бизнес-модель контрабандистов» и предложить мигрантам «альтернативный маршрут с наименьшим риском» для пересечения границы.

Соглашение ЕС и Турции 2016 г. включает в себя следующие обязательства:

1) все нелегальные иммигранты, начиная с 20 марта 2016 г., депортируются из Греции обратно в Турцию. Это делается в полном соответствии с законодательством ЕС и международным правом. Это будет временная и чрезвычайная мера, необходимая для того, чтобы положить конец страданиям людей и восстановить общественный порядок. Расходы на операцию по возвращению нелегальных мигрантов покрываются за счет бюджета ЕС.

2) Турция предпримет все необходимые меры для предотвращения новых незаконных морских и сухопутных маршрутов миграции из Турции в ЕС, сотрудничая с соседними государствами и ЕС.

3) реализация плана по облегчению визового режима для граждан Турции не позднее 2016 вступит в силу в конце июня при условии, что Турция выполнит все обязательства, налагаемые ЕС.

4) ЕС пытается быстро выплатить Турции ранее обещанные 3 миллиарда евро и договориться о таком же объеме дополнительного финансирования. Второй транш Анкара должна получить в 2018 году.

5) ЕС и его государства-члены должны сотрудничать с Турцией во всех совместных усилиях по улучшению гуманитарной ситуации в Сирии.

6) на каждого сирийского мигранта, вернувшегося в Турцию из Греции, другой сирийский беженец должен быть размещен в одной из стран ЕС. Размещение мигрантов в ЕС, по мнению авторов документа, должно происходить на основе принятого ООН принципа приоритетной помощи наиболее уязвимым слоям населения.

7) ЕС и Турция обязуются придать новый импульс вступлению страны в Содружество [3].

«Врачи без границ» (MSF, международная независимая гуманитарная организация здравоохранения) оказывает неотложную помощь жертвам вооруженных конфликтов. С 2015 г. агентство проводит поисково-спасательные операции в Средиземном море, строго

придерживаясь всех международных морских законов и своего собственного кодекса поведения: устава MSF, который основан на медицинской этике и гуманитарных принципах [4].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что сегодня Европейский союз, представляющий собой особую форму сообщества различных государств, выработал свою собственную систему принципов, с помощью которых регулируются проблемы, связанные с миграцией. Но в то же время единой стратегии проведения миграционной политики в странах ЕС не существует, поскольку каждая страна придерживается своего собственного пути, не стремится к сотрудничеству с государствами-членами ЕС. Также следует отметить сотрудничество Европейского Союза с Турцией по вопросам нелегальной миграции. Соглашение о мерах по урегулированию миграционного кризиса считают настоящим шансом остановить миграционный поток в страны Европейского Союза.

Литература:

1. Семь пунктов для спасения Европы // <https://novayagazeta.ru/articles/2016/07/29/69401-sem-punktov-dlya-spaseniya-evropy>
2. ЕС расширил зону проведения миграционной операции «Тритон» // <https://ria.ru/20150527/1066749326.html>
3. Immigration policy // <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/152/immigration-policy>
4. European Union migration law and policy // <https://www.eir.info/2018/08/22/european-union-migration-law-and-policy/>

Гаджиева Наргиз, студент ОП
«Международные отношения»
Науч. руководитель: **Сыздыкбеков Е.С.**,
магистр, ст. преп. кафедры мировой
экономики и международных отношений
(Карагандинский университет
Казпотребсоюза)

КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ИДЕОЛОГИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Политика мультикультурализма нашла активное применение на территории стран современного Европейского союза. Мультикультурализм – это политика, направленная на сохранение и развитие культурных различий в конкретной стране и мире в целом, а также теория или идеология, оправдывающая такую политику.

Идея мультикультурализма выдвигается в основном в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток

иммигрантов. Мультикультурализм в современной Европе предполагает, прежде всего, включение в культурную сферу элементов культуры иммигрантов из стран «третьего мира».

Политика такой ориентации поощряла уважение ко всем культурам, что, по-видимому, было потенциальной взяткой для мигрантов. Но на практике, например, немцы понятия не имели, как осуществлять культурную, религиозную интеграцию с совершенно разными людьми. Мультикультурализм стал способом сглаживания текущих проблем о том, что значит быть немцем и как им стать [1].

Для Европы феномен мультикультурализма стал возможностью понять тот факт, что огромное количество мигрантов было приглашено в качестве потенциальной дешевой рабочей силы. Мультикультурализм выступал в качестве определенного договора, согласно которому мигранты могли сохранять самобытность культуры своей страны, проживая на территории европейской страны. Например, немцы уже планировали привлечение иностранной рабочей силы с немецким удостоверением личности, но практика показывает, что результаты были отрицательными. Напротив, мультикультурализм спровоцировал разделение мигрантов, потому что исчезла возможность сохранения своей культуры, интерес к интеграции в немецкую культуру. Иммигранты отождествляли себя только со своей родиной, и Германия стала как раз той страной, где были созданы все условия для беззаботной жизни. Идея о том, что приверженность культурной самобытности сравнима с приверженностью принимающей страны, иррациональна. И теперь иммигранты-мусульмане привлекаются и вовлекаются в различные террористические организации [2].

Рассматривая миграционную политику и интегрированную в нее политику мультикультурализма, мы определили 5 моделей миграционной политики.

Скандинавская модель. Политика привлечения мигрантов в скандинавские страны была основана на социокультурной парадигме, которая была выбрана в качестве детерминанты развития скандинавских стран. В XX в. в скандинавских странах сформировалась модель «государства всеобщего благосостояния», которая имеет ряд преференций для безработных, многодетных матерей, беженцев, политических изгнанников и т.д.

Швеция всегда была одной из самых терпимых стран к мигрантам. В 1930-е гг. в Швеции началось строительство «социального государства», принципами которого был провозглашен социальный мир, а усилия всех жителей страны были объединены для укрепления благосостояния населения.

В середине XX в. шведское правительство занимало чрезвычайно лояльную позицию по отношению к иностранным мигрантам, основанную на желании интегрироваться в шведское общество на равных условиях. Фактически все иностранные мигранты имеют равные

права со шведскими гражданами, за исключением права голосовать на парламентских выборах. Выделяя миграционные проблемы в Швеции, можно выделить 3 основные проблемы. Первая проблема, связанная с миграцией, - это общее изменение «социального облика» современной Швеции.

Швеция – чрезвычайно лояльная к иммигрантам страна, усилия государственных властей направлены на интеграцию мигрантов на равных условиях. Иммигрант имеет те же права, что и местные жители, за исключением права голосовать на выборах.

Как и Швеция, Дания является одной из самых процветающих и экономически преуспевающих стран в Европе. До недавнего времени Дания также была почти мононациональной страной, однако во второй половине XX в. она начала привлекать иностранных иммигрантов. Как и другие северные страны, Дания испытывает определенную нехватку высококвалифицированных специалистов из-за старения датского населения. Но в отличие от шведской политики, Дания проводит одну из самых строгих политик в области миграционного контроля. В какой-то степени Дания может стать примером для своих северных соседей того, как можно выстраивать миграционную политику в современных условиях. В XIX в. миграционная политика датского государства была значительно ужесточена. В настоящее время иностранец в Дании может быть навсегда депортирован из страны за любое преступление, независимо от того, есть ли в стране вид на жительство или даже недвижимость. Одним из факторов также является то, что в настоящее время Дания, среди других европейских стран, имеет одно из крупнейших представительств праворадикальных партий в законодательных органах страны, что также влияет на направление и содержание ее миграционной политики.

Британская модель. Британия долгое время считалась страной, в которой политика мультикультурализма осуществлялась очень эффективно, несмотря на то, что мультикультурализм был провозглашен неофициальной доктриной. В стране разработана система мер, направленных на поддержку национальных меньшинств. В частности, были приняты специальные законы о равенстве всех культур, толерантность была объявлена обязательной для всех граждан.

Рассматривая мультикультурную политику Великобритании с исторической точки зрения, следует отметить, что именно в период нахождения Лейбористской партии у власти (1997-2010 гг.) она достигла своего расцвета, в то время как Консервативная партия всегда выступала против организации общественной жизни в стране по мультикультурному принципу, он был сторонником ассимиляционной модели интеграции иммигрантов.

Политика мультикультурализма, проводимая лейбористским правительством, основывалась на трех принципах:

1) отрицание западного универсализма как основы культурного доминирования Запада;

2) равенство прав иммигрантов из бывших колоний Великобритании и коренных народов;

3) сохранять этническую и расовую самобытность иммигрантов и отвергать их социальную и гражданскую интеграцию.

Великобритания является ярким примером реализации модели «жесткого» мультикультурализма: страна не только разработала и внедрила широкую систему мер по поддержке национальных меньшинств с целью сохранения их самобытности, культуры, традиций и обычаев, но и приняла ряд законов, направленных на предотвращение любых форм дискриминации. дискриминации по национальному или расовому признаку.

Толерантность, по сути, стала догмой, которая требовала строгого соблюдения от британцев. Но политика «жесткого» мультикультурализма привела Великобританию к огромным проблемам сосуществования мигрантов и аборигенов. Иммигранты в Англии – это тот случай, когда гости ведут себя как хозяева.

В связи с этой ситуацией правительство Великобритании решило ужесточить миграционную политику своей страны. Кэмерон заявил, что отныне каждый, кто хочет получить постоянный вид на жительство, должен обладать достаточными финансовыми средствами и уверенно говорить по-английски.

Власти Великобритании также планируют ввести денежную компенсацию нелегальным иммигрантам и лицам, ищущим политического убежища в стране. Это денежное пособие в размере трех тысяч фунтов стерлингов выплачивается тем, кто добровольно покидает Великобританию [3].

Германская модель. После окончания Второй мировой войны Германия столкнулась с серьезной нехваткой людских ресурсов, поскольку большинство трудоспособных мужчин были депортированы в результате разрушительной войны и советских лагерей для военнопленных. Трудовые ресурсы были необходимы для восстановления инфраструктуры, поврежденной во время войны, для развития и приумножения своей экспортоориентированной промышленности, что сопровождалось «планом Маршалла», так что все больше неквалифицированной рабочей силы требовалось для строительства, фабрик и заводоуправлений. Чтобы решить все еще актуальную проблему нехватки рабочих рук, Германия заключила ряд успешных сделок на рынке труда.

Главным источником покрытия дефицита трудовых ресурсов стали иностранцы, которые привлекались в страну в рамках международных соглашений по привлечению иностранных рабочих. Первое такое соглашение о рекрутировании рабочих было заключено в 1955 г. с Италией. Затем последовала целая серия соглашений со странами

средиземноморского бассейна: Испанией (1960), Грецией (1960), Турцией (1961), Марокко (1963), Португалией (1964), Тунисом (1965) и Югославией (1968). Изначальный план немецкого правительства был полностью контрактным. Неотъемлемой частью этого плана был принцип ротации, согласно которому предполагалось, что по истечении определенного срока иностранные рабочие будут покидать Германию и их место займут новые желающие.

Французская или универсалистская модель. Долгое время Франция была единым, сплоченным, централизованным государством, в котором подавлялись тенденции национальных меньшинств к автономии и федерализму.

В первой половине XIX в. иммигранты приезжали во Францию из разных стран и составляли небольшую часть от общей численности населения страны. Их культура «растворилась» во французской, обогатив ее. Процесс ассимиляции национальных и культурных меньшинств был полностью осуществлен, что дало положительные результаты. Ситуация изменилась после Второй мировой войны в связи с процессами деколонизации и потребностями французской экономики. Ситуация во Франции в этот период аналогична немецкой. Первоначально рабочие, занятые во французском промышленном строительстве, должны были вернуться на родину, и их интеграция не была обязательной. Однако в результате растущей разницы между условиями жизни дома и во Франции их планы изменились. Многие хотели продлить свое пребывание во Франции и даже приобрели французское гражданство.

Испанская модель. Испания – страна, расположенная в юго-западной части Европы, занимающая большую часть Пиренейского полуострова. Испания – единственная европейская страна, граничащая с Африкой, которая непосредственно формирует один из основных иммиграционных потоков в Испанию – Африку. Во-вторых, причины этого потока обычно лежат на поверхности - африканские государства являются одними из самых бедных и небезопасных государств в мире. В-третьих, естественно, что с точки зрения эмигранта из Африки, Испания, помимо того, что является членом ЕС, обладает развитой экономикой (по сравнению с экономикой большинства африканских стран), она также расположена в непосредственной близости от Африки. Известно, что Испания когда-то была одной из крупнейших колониальных империй в мире. В девятнадцатом веке колониальные владения Испании включали большинство современных государств Южной и Центральной Америки (включая Мексику, Аргентину, Чили, Боливию, Венесуэлу, Кубу, Уругвай, часть современных США и т.д.), некоторые районы Африки (Марокко, Экваториальная Гвинея, Западная Сахара) и Азия (Филиппины). Она обрела независимость в XVII в, остальная часть – в XIX веке (испанское Марокко, Западная Сахара,

Экваториальная Гвинея и т.д.). За Испанией остались только Канарские острова и некоторые африканские города [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что миграционная политика ведущих стран ЕС, основанная на принципах мультикультурализма, в разных странах имеет свои особенности. Каждая модель основана на национальных интересах, историческом прошлом, культурном наследии и уровне участия в глобализации стран, принимающих мигрантов. В некоторых моделях можно проследить основы предыдущей миграционной политики страны, например, этнической политики в Германии. Политика мультикультурализма имеет различные формы реализации, поэтому трудно определить единую общую парадигму для всех государств-членов ЕС.

Литература:

1. Мультикультурализм и миграционная политика // <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-i-migratsionnaya-politika/viewer>
2. Миграционная политика Европейского Союза // https://www.eeas.europa.eu/node/54681_ru
3. EU migration and asylum policy // <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-policy/>

Gorshkova Anna, student of the EP
“International Relations”
Scientific advisor: c.e.s., associated
professor **Abeuova S.T.**
(Karaganda University of Kazpotrebsoyuz)

ECONOMIC CONTRIBUTION OF MIGRANTS

Migrants make and continue to make a significant economic contribution to both their countries of origin and destination. One of the most studied and closely examined forms of economic contribution is remittances sent by migrants to their countries of origin.

As the volume of funds sent as remittances has sharply increased in recent years, there has also been a growing interest among scholars in understanding how remittances positively or negatively impact recipient countries. In 2018, the global volume of remittances reached \$689 billion USD, with an influx of funds into low and middle-income countries reaching a record \$529 billion USD, up from \$483 billion USD [1].

However, the economic contribution of migrants to the development of their countries of origin is not limited to financing and entrepreneurship. By creating migration networks between countries, migrants reduce informational barriers and contribute to the growth of trade and investment flows between countries of origin and destination. A recent study that examined whether the

presence of migrants influences investment decisions in terms of foreign direct investment found that immigration indeed reduces informational asymmetry and positively influences outward flows of direct investments from destination countries to countries of origin.

The presence of a large number of migrants can also create a market for products produced in their countries of origin, thereby increasing trade flows between countries.

Offshore outsourcing of business processes and documentary recordkeeping are significant areas of entrepreneurship in India that are undertaken by returnees who have accumulated initial capital during periods of economic downturn in developed countries, especially in the United States, essentially forcing them to return to their homeland.

One of the most important forms of contribution provided by migrants to their countries of origin is their influence on human capital reserves. This can happen either directly when they return with new knowledge and skills or indirectly by motivating citizens to acquire or enhance their human capital, thereby raising the overall level of qualifications in the country.

The economic contribution of migrants in destination countries has undergone deep scrutiny. There is an extensive body of factual data on how both low and highly skilled migrants fill the labor shortages that may be felt in specific professional groups, sectors, or among particular professions.

In countries with a high proportion of local highly skilled workers, low-skilled migrant workers complement the skills of local workers by taking up jobs in sectors where there is a shortage of citizens; often these are sectors that local workers find unattractive. This not only helps address labor shortages in industries such as construction and agriculture but also allows local workers in high-skilled sectors to continue their production specialization. This skill complementarity is particularly crucial for local highly skilled women. When migrants fill positions in childcare and household management, local women have the opportunity to expand their participation in the workforce and increase productivity. For example, a study conducted in Italy found that when there are many immigrants working in households, local Italian women spend more time at work.

A similar conclusion was drawn from a study conducted in the United States in 2019, which found that the immigration of low-skilled workers increases the labor supply and the average time spent in the labor market by local highly skilled women, thanks to reduced expenditures on household services.

Some countries heavily rely on migrant workers, especially in industries such as construction, hospitality, and retail. For instance, in the United Arab Emirates and Kuwait, international migrants make up a significant portion of the population (88% and 76%, respectively). For countries experiencing demographic decline, migrants can play a substantial role in offsetting certain negative economic consequences associated with population decline, which could otherwise hinder overall productivity and economic growth. In regions

with declining fertility rates, such as Europe, migrants make a significant contribution to population growth and the labor force.

In the period from 2012 to 2016 in the European Union, only 20% of the total population growth was attributed to natural demographic changes (births and deaths), while the remaining 80% was provided by net migration [2].

When it comes to their broader economic contribution in the form of widespread and long-term external impact on societies, migrants have long been a driving force for entrepreneurship and innovation. Unlike people who have never lived outside their countries, migrants are much more willing to take business risks. Perhaps this is explained by the fact that, as some researchers note, migrants have already taken the risk of leaving their countries of origin in search of better opportunities in new places, and are therefore well-prepared for potential risks. Overcoming obstacles and challenges associated with moving to another country, they develop a so-called "growth mindset," allowing them to adapt, gain self-confidence, and show more tolerance for uncertainty.

One of the most significant obstacles to migrant entrepreneurship is the inability to access financing, and although this affects not only migrants, they find it harder to obtain loans for business development than those born in the country. Factors such as lack of collateral, shorter credit histories, possible discrimination, and the lack of information about migrants in credit institutions reduce the likelihood of them obtaining loans from financial institutions.

Other barriers, including limited rights to start a business, lack of local networks, unfamiliarity with the local business environment, and language and cultural barriers, remain important inhibiting factors for migrant entrepreneurship. In the United States, immigrants have likely made a significant contribution to the development of innovation and entrepreneurship. Although immigrants represent only 13% of the country's population of over 300 million people, they make up almost 30% of all entrepreneurs.

In addition to their disproportionate contribution to entrepreneurship, recent studies reveal that businesses founded by immigrants in the United States are not only more viable but also often outperform those created by local citizens, based on employment expansion over three- and six-year periods. However, in terms of wage increases, companies founded by immigrants do not differ positively from those created by local entrepreneurs and may actually lag behind their local counterparts. Success and contributions to innovation are most noticeable in the machinery and technology industries; approximately a quarter of machinery and technology firms founded in the United States have at least one immigrant founder. Silicon Valley is often cited as one of the hubs for such successful innovators and entrepreneurs among migrants.

However, this trend is not limited to the United States. Migrants worldwide continue to contribute to job creation and contribute to the economic growth of destination countries through entrepreneurship. A 2020

survey of the economies of 69 countries within the Global Entrepreneurship Monitor showed that immigrants are more actively engaged in entrepreneurial activities compared to native residents. Moreover, despite the scarcity of research on the contribution of migrants to entrepreneurship in low-income countries, published studies, especially those related to refugees, show that in countries where refugees have the opportunity to work, they make a positive contribution to the economies of destination countries.

In recent years, there has been significant attention to the contribution of migrants to innovation, especially in destination countries. The belief that migrants are crucial drivers of innovation worldwide is rarely disputed and enjoys broad consensus.

A recent report identified four ways in which migrants activate innovation:

- a) Through a higher concentration of migrants in economic sectors where innovation trends are expanding;
- b) Through patents and as entrepreneurs;
- c) Within their greater contribution to business startups compared to local residents;
- d) By strengthening investment, trade, and technological ties.

The United States showcases some of the brightest examples of migrant innovation. Historically, migrants have played a significant role in increasing the number of patents in the United States. Essentially, considering their concentration in fields such as science and engineering, migrants in the United States register twice as many patents as local residents.

In a recent study aimed at determining how high-skilled immigration impacts the "product reallocation" in the United States, it was found that a "10% increase in the share of workers entering on H-1B visas is associated with a 2% increase in product reallocation." In other words, companies hiring higher-skilled workers with at least a college education have created more new products. Product reallocation, which is another indicator of innovation, is defined as the introduction of new products to the market and the removal of older products.

So, the contribution of migrants to the development of societies, political structures, and economies worldwide often falls out of sight, is underestimated, or taken for granted. Additionally, it is hindered by the spread of destabilization and misinformation regarding migrants. Recent research and analysis show that certain forms of technology influence our media, social, and political interactions and become more relevant to governance processes, both in terms of regulating emerging technologies and in shaping democratic processes.

References:

1. Refugees and Asylees in the United States. Spotlight, Migration Policy Institute, 13 June. // <http://www.migrationpolicy.org/article/refugees-and-asylees-united-states>.
2. International migration, internal migration, mobility and urbanization: Towards more integrated approaches. Migration Research Series, Paper No 53, IOM, Geneva